
МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-82-139

УДК. 821.161.1

Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы (окончание)

А. Л. Соболев

Аннотация: Окончание мемуаров Сергея Георгиевича Кара-Мурзы (1878–1956), начатых печатанием в третьем номере «Литературного факта». Ныне публикуемые главы содержат воспоминания о Валерии Яковлевиче Брюсове (1873–1924), Борисе Арнольдовиче (Ароновиче) Койранском (1882–1920), книгоиздательстве «Скорпион», художниках Модесте Александровиче Дурнове (1868–1928) и Георгии Богдановиче Якулове (1884–1928). В приложении печатается краткая юмористическая пьеса В.Г. Лидина «Вторник у Кара-Мурзы», рисующая яркие портреты самого мемуариста и завсегдаев его литературного салона.

Ключевые слова: русская литература XX века, русская живопись начала XX века, символизм, модернизм, В.Я. Брюсов, Б.А. Койранский, издательство «Скорпион», М.А. Дурнов, Г.Б. Якулов, В.Г. Лидин.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ¹

Недавно, проходя по 1-ой Мещанской улице, мимо дома причудливой архитектуры, нечто вроде скандинавского стиля, я увидел на фасаде мемориальную доску из белого мрамора с барельефом и надписью: «В этом доме жил, творчески работал и умер Валерий Брюсов, поэт, историк, ученый, член ВКП(б). Годы 1873–1924»².

Подсчитал в уме цифры и получилось, что Брюсов жил всего 51 год, и от этого сознания так больно защемило в душе, что и потом целый день чувствовал какой-то укол в сердце. Иные политические, общественные и даже литературные деятели в этом возрасте только начинают развертывать свою творческую мощь.

Вал. Як. был одним из самых интересных людей, каких я только встречал в жизни, одним из тех оригинальных, многогранных лиц, которые пленяют своим неповторимым своеобразием. С ним как-то неловко и даже бестактно было заговорить о чем-нибудь мелком и будничном. С Вал. Яковл. всегда нужно было быть подтянутым.

Мои воспоминания о Брюсове восходят еще к концу прошлого столетия, ко временам нашей юности. Они довольно обширны, но я прочту из них только несколько отрывков. Первая наша встреча произошла 55 лет тому назад.

8-го октября 1893 года в Париже умер Алексей Николаевич Плещеев, любимый поэт тогдашней радикальной молодежи, поэт-общественник, после смерти Некрасова возглавлявший гражданскую лирику, поэтический трибун демократической интеллигенции.

Тело Плещеева было привезено для погребения из Парижа в Москву.

¹ Печатается по автографу: РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 7. В рукописи подзаголовок: «Читано в Мемуарной секции Союза Советских писателей 17-го апреля 1942 г.». В той же единице находится вторая версия этого текста, предназначенная для выступления в научном собрании Государственного Литературного музея. 9 мая 1942 г. (в оригинале описка – «1941») Кара-Мурза писал, адресуясь «в дирекцию Литературного Музея»: «Предлагаю Вам на одном из Ваших “четвергов” повторение моих воспоминаний о В.Я. Брюсове, прочитанных мною в заседании мемуарной секции Союза Советских писателей 17 апреля с. г. Был бы рад выступить снова в учреждении, с которым я был связан многолетним сотрудничеством» (ГАРФ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 187. Л. 3). Доклад был поставлен в план на 18 июня 1942 г. под названием: «С. Г. Кара-Мурза. Воспоминания о Валерии Брюсове (В. Брюсов как патриот)». Некоторые метаморфозы текста в угоду принятой теме заставили нас положить в основу публикации первый, более ранний вариант доклада. Одно из трудных мест в черновике было прочитано А.А. Ильиным-Томичом, которому пользуемся случаем выразить глубокую признательность.

² Мемориальная доска (работы С. Д. Меркурова) была установлена на доме, где жил Брюсов (ул. 1-я Мещанская, д. 32) в 1935 г. Современный адрес – пр. Мира, д. 30.

В то время я был учеником пятого класса одной из Московских гимназий.

Уже за два, за три дня до похорон Плещеева по всем гимназиям прошел слух, что организацию похорон любимого поэта принимает на себя московская учащаяся молодежь, студенты и гимназисты.

С утра 20-го октября, это было в воскресенье, я уже был на выносе тела³.

Молодежи собралось человек 500.

Полицейских и переодетых сыщиков нагнали множество для соблюдения порядка.

Нас, гимназистов, бесцеремонно оттеснили, как малышей, на задний план.

Впереди шли и распоряжались студенты Университета, Технического училища и Петровской сельскохозяйственной Академии.

По пути на кладбище было два столкновения с полицией. В первый раз, когда студенты решили нести гроб на плечах, а не устанавливать его на катафалк, и во второй раз, когда распорядители повели процессию по большим и людным улицам, а не по дороге, указанной полицией.

Оба раза полицейские пускали в ход нагайки, но до настоящего избития дело не дошло⁴.

Помимо полиции с увещаниями к молодежи обращался еще и сын покойного поэта, небезызвестный впоследствии балетоман и театральный коллекционер Александр Алексеевич Плещеев⁵, умолявший студентов не омрачать благолепия похорон и не устраивать скандалов.

Но все его уговоры не достигали цели, и студенты понесли гроб на плечах по пути, намеченному ими, а не полицией.

³ Кара-Мурза путает даты: Плещеев умер 8 октября по новому стилю (26 сентября по старому); похороны его состоялись в четверг 7/19 октября.

⁴ Ср. в воспоминаниях Л.П. Меньщикова, на тот момент служившего в московской полиции: «Похоронная процессия направилась по маршруту, заранее выработанному полицейскими властями; однако, выйдя на Садовую улицу, шествие направилось было по Уланскому пер. к университету; наряд городских и околоточных преградил дорогу, произошло столкновение, во время которого кто-то одному полицейскому раскровянил нос; городские хотели отнять гроб и чуть не вывалили покойника на землю. Сопровождавшая процессию дочь Плещеева разрыдалась, и тогда, по команде: "студенты – уступить!" шествие тронулось по предназначенному пути – к Новодевичьему монастырю, кладбище которого является в Москве местом вечного упокоения многих писателей» (*Меньщиков Л. Охрана и революция. М., 1925. Ч. 1. С. 173–174*). См. также: *Пустильник Л.С. Жизнь и творчество А.Н. Плещеева. М., 2008. С. 335–336*.

⁵ Плещеев Александр Алексеевич (1858–1944) – актер, писатель, драматург, журналист, балетный критик.

Впереди всех распорядителей шел совсем еще молодой студент, скуластый и черновобровый, лет 20, в новенькой, только что сшитой университетской шинели.

Он горячился и волновался больше всех, объяснялся с сыном Плещеева, размахивал руками перед нагайками полиции⁶.

На кладбище Новодевичьего монастыря, когда гроб опустили в склеп и вырос могильный холм, покрытый венками, выступили с речами несколько ораторов и среди них какой-то неизвестный дюжий мужчина в черной черкесской бурке прочел маловразумительное стихотворение собственного сочинения.

Он оказался впоследствии пресловутым поэтом-декадентом Емельяновым-Коханским, автором сборника стихотворений «Обнаженные нервы».

Он служил кассиром на беговом ипподроме и посвящал свои творения «себе и египетской царице Клеопатре»⁷.

После выступления Емельянова-Коханского к могиле подошел тот самый студент-распорядитель, которого я заметил в процессии, хотел что-то сказать, затем вернулся к товарищам, посоветовался с ними, снова подошел к могиле, пытался что-то объявить; я все ждал, что он что-нибудь скажет, но он удалился, так ничего и не сказав.

Должен сказать, что – как это нередко бывает в отрочестве, – меня очень заинтересовало, чрезвычайно понравилось его лицо: угреватое, скуластое и некрасивое, но необычайно выразительное, интересное, умное и решительное. Кто это был, я так и не узнал, но студент надолго запечатлелся в моей памяти.

Прошло несколько лет. Я окончил гимназию и стал слушателем Московского Университета. За это время я ни разу не встречал в Москве того студента. Будучи в университете, я попал на вечер

⁶ Ср. в дневниковой записи Брюсова: «Похороны Плещеева. Собственно для меня любопытнее всего было наблюдать за “психологией толпы?”. Студентов было до 300, и они действовали заодно, сразу усваивая мысль и никогда не разбиваясь на партии. На пути нас побила полиция, когда мы вздумали нести гроб своим путем. Тщетно молил нас сын Плещеева не начинать скандала.

– Я сын покойного.

– К черту!

Думал и я произнести речь, но как-то не удалось» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 30–31).

⁷ Емельянов-Коханский (наст. фам. Емельянов) Александр Николаевич (1871–1936) – поэт, переводчик. Ср., кстати, его словесный портрет в воспоминаниях Бунина: «Это был рослый плотный малый, рыжий, в веснушках, с очень неглупым и наглым лицом» (*Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов. М., 2000. С. 325). Его дебютная книга стихов «Обнаженные нервы» (М., 1895) снабжена дедикацией: «Посвящается Мне и Египетской царице Клеопатре». О нем см.: *Щербаков Р. Л.* Емельянов-Коханский Александр Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г–К. С. 231–232.

известного в Москве литературного салона Варвары Алексеевны Морозовой⁸, бабки нынешнего шекспироведа Мих. Мих. Морозова⁹. Усевшись за огромный стол, стоявший среди комнаты, я вдруг увидел в углу гостиной молодого человека в черном сюртуке, стоящего и оживленно беседующего с артисткой Художественного Театра Марией Федоровной Андреевой¹⁰.

Он был чрезвычайно похож на моего студента, только более возмужалый и с более энергичными чертами лица. Для меня не было сомнения, что это он и есть, тот самый, кого я видел пять лет назад на похоронах Плещеева.

Я спросил своего соседа, Давида Викторовича Викторова, желчного и раздражительного приват-доцента по кафедре философии, кто этот господин. Он мне ответил: «это поэт Брюсов, автор известного стихотворения, которое состоит только из пяти слов “о закрой свои бледные ноги”» и саркастически расхохотался. А потом прибавил: «его отец собирает коллекцию пробок; если это чудачество перенести на интеллектуальную почву сына, имеющего университетское образование, то как раз получится та поэзия, которая и есть в стихотворениях Брюсова». Ответ Викторова показался мне странным и непонятным: я тогда еще не знал этого стихотворения о бледных ногах¹¹.

Впоследствии оказалось, что Викторов неправильно осветил мне коллекционерскую страсть отца Брюсова. Он собирал пробки не как любитель, а для профессиональных целей; они ему нужны были как промышленные эталоны, как образцы существующих хозяйственных изделий.

Когда Брюсов кончил беседу с Андреевой, я подошел к нему, представился и спросил: не он ли был распорядителем на похоронах Плещеева? Вал. Як. очаровательно улыбнулся и ответил мне положительно, очень оживившись, он рассказал, что инициатива нести гроб поэта на плечах до самого кладбища принадлежала ему и что за это ему немало досталось от полиции¹².

⁸ Воспоминания Кара-Мурзы о салоне В.А. Морозовой см.: Литературный факт. 2017. № 5. С. 34–59.

⁹ Михаил Михайлович Морозов (1897–1952) – историк литературы и театра, переводчик, критик.

¹⁰ Мария Федоровна Андреева (1868–1952) – актриса, общественный и политический деятель.

¹¹ Комментарий к другой редакции воспоминаний об этом эпизоде см.: Литературный факт. 2017. № 5. С. 46.

¹² Об этом же Брюсов писал в дневнике: «Изобретение нести гроб на плечах принадлежит мне, конечно, мне, но, собственно, я предлагал только донести до катафалка, после же, когда мою мысль преобразовали в пешее путешествие с гробом на плечах в продолже-

Вал. Як. сообщил мне также, что был возмущен выступлением бездарного и наглого стихотворца Емельянова-Коханского, и что он хотел протестовать против профанации памяти замечательного поэта, но товарищи отсоветовали ему делать это тут же, на кладбище, над свежей могилой писателя.

Так началось наше знакомство, которое продолжалось 24 года.

Случилось как-то так, что мне пришлось присутствовать на многих важных событиях и моментах жизни Брюсова.

Стоит остановиться немного на вечерах у В. А. Морозовой.

Я был постоянным и усердным посетителем этих вечеров и поэтому на моих глазах прошли все выступления. Здесь Вал. Яковл. Брюсов появлялся обычно не один, а как мэтр, в сопровождении целой группы соратников и учеников: Юргиса Балтрушайтиса, Андрея Белого, С. А. Полякова, Макса Волошина, иногда Бальмонта и Эллиса¹³.

Особенно памятно мне одно выступление Вал. Як. Однажды Георг. Ив. Чулков сделал доклад о книге стихов Брюсова «*Tertia Vigilia*», причем очень высоко расценивал содержание и достоинства сборника и рассыпался перед Вал. Як. в комплиментах.

Сам Брюсов присутствовал на вечере, внимательно слушал докладчика, несколько иронически улыбаясь, а затем во время прений взял слово и яростно напал на референта, причем построил свои возражения очень хитро. Он находил, что стихи его совершенно недостойны подобной похвалы, что они слабы, несовершенны, и что докладчик абсолютно лишен поэтического вкуса и чувства прекрасного, если может так хвалить его слабые творения и пр. Он говорил это так резко и запальчиво, с такой жестокостью напал на бедного докладчика, что все последующие ораторы взяли Чулкова под свою защиту, оправдывали его точку зрения, основательно аргументировали его оценки и тем самым защищали и хвалили стихи Брюсова, а Валерию Яков. только этого и нужно было¹⁴.

ние 5 час. – я проклинал свою мысль. До сих пор у меня болят плечи и поясница» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 31).

¹³ Кара-Мурза подробно рассказывает о визитах перечисленных лиц в очерке «Литературный салон В. А. Морозовой» (Литературный факт. 2017. № 5. С. 34–59).

¹⁴ Описываемый вечер состоялся 14 января 1901 г. На следующий день Брюсов записывал в дневнике: «Вчера у Морозовых Чулков читал реферат обо мне, очень восторженный, но очень поверхностный. Я первый напал на референта и разобрал его реферат жестоко... Все, даже явные мои недоброжелатели, бросились защищать бедного, обескураженного Чулкова и, защищая его, тем самым защищали мои стихи» (Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 118).

В декабре 1902 г. исполнилось 25 лет со дня смерти Некрасова. В это время я работал в редакции московской газеты «Новости Дня» в качестве литературного хроникера, рецензента и интервьюера.

В связи с 25-летием смерти Некрасова редакция решила организовать большую анкету по вопросу о том: отжил ли свой век Некрасов, каков приговор истории по отношению к поэту, какое место приготовила ему судьба, ожидает ли его бессмертие или забвение? Был ли Некрасов «рыцарем на час», говоря его же словом, или истинным поэтом? Как отвечает на это современность в лице своих виднейших представителей? Кто был ближе к правде, тот ли молодой голос, который во время похорон прокричал: «Он выше, выше, Пушкина и Лермонтова»¹⁵ или Тургенев, категорически утверждавший, что поэзия даже и не ночевала в стихах Некрасова¹⁶, и Толстой, не признававший поэтического дарования в Некрасове¹⁷.

Организация и проведение этой анкеты были поручены мне.

Вооружившись вопросником, я пустился в поход и посетил ряд московских писателей: Чехова, Горького, Златовратского, Боборыкина, Л. Андреева, Сумбатова, Найденова и др. и в их числе Брюсова.

От Вал. Як. я получил следующий характерный ответ, опубликованный мною в «Новостях Дня» 27 декабря 1902 г., но повторно, насколько мне известно, нигде в собраниях сочинений Брюсова не появившийся: «“Мне борьба мешала быть поэтом” – вот слова, в которых Некрасов определил свою судьбу. Но несмотря на все помехи, какие он сам ставил своему творчеству, не быть поэтом он не мог. Слова Тургенева, что в стихах Некрасова “ее-то, поэзии-то и нет ни на грош”¹⁸ – грубая несправедливость. У Некрасова самобытный склад стихотворной речи, свои, ему одному свойственные размеры и рифмы: это внешние, но безошибочные признаки истинного дарования. Некрасовские стихи легко узнать без подписи, у него свое лицо, это не безличный стих нынешних эпигонов гражданской поэзии. После Пушкина и Лермонтова Некрасов запел на особый лад, не подражая своим учителям, – что тоже доступно только большим дарованиям. Некрасов сумел найти красоту в таких областях, перед которыми отступали его предшественники.

¹⁵ Этот эпизод приводит Достоевский в «Дневнике писателя» (см.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Л., 1984. Т. 26. С. 113; см. также комм. на с. 417–418).

¹⁶ Знаменитый отзыв из письма Тургенева к Я.П. Полонскому от 25/13-го января 1868 г. (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1990. Т. 8. С. 99–100).

¹⁷ Ср., например, характеристику Некрасова как «совершенно лишенного поэтического дара» (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 34. С. 275).

¹⁸ Из письма И.С. Тургенева редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» от 8/20 января 1870 г. (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1994. Т. 10. С. 127).

Как никто, умеет Некрасов пользоваться образами русского сказочного мира. В описаниях природы он достигает иногда почти тютчевской зоркости. Поэзия Некрасова до сих пор не оценена справедливо».

В связи с моим интервью я впервые переступил порог таинственного и загадочного книгоиздательства, интриговавшего москвичей всем своим существованием, начиная от наименования «Скорпион» и кончая содержанием произведений новых авторов с совершенно неизвестными именами: Кнут Гамсун, Габриель д'Аннунцио, Морис Метерлинк, Шарль Ван Лерберг, Пшибышевский и др.

Вал. Як. принял меня в своем редакторском кабинете, помещавшемся в доме Метрополь, по фасаду которого тянулся майоликовый фриз с цитатой из «Так говорил Заратустра» Фр. Ницше.

Отделано было помещение редакции Скорпиона также оригинально: стены были обиты дорогими обоями так называемыми линкруста¹⁹, всюду были дуб, кожа, никель, книги, картины, статуэтки. Оно напоминало кают-компанию какого-нибудь первого класса пакетбота, в котором Брюсов восседал как гостеприимный капитан корабля. И никак не было похоже на измызганное помещение обычной русской редакции, с ее продавленным клеенчатым диваном, колченогими столами и поломанными креслами.

Недаром в одном из своих стихотворений поэт Сергей Соловьев писал:

Как новый Вавилон воздвигся Метрополь
Исконный твой очаг, великолепный Брюсов²⁰.

В Скорпионе Вал. Як. был первым лицом: вождем и вдохновителем, руководителем и стратегом и главой новой поэтической школы.

По окончании университета я вступил в число членов Московского Литературно-Художественного Кружка и был членом комиссии по устройству литературных вечеров²¹.

Здесь в совместной работе я еще чаще стал встречаться с Вал. Як.

Брюсов в кружке очень скоро приобрел популярность и быстро стал подниматься по лестнице выборов.

¹⁹ Сорт плотных обоев с тисненой фактурной поверхностью.

²⁰ Из «Московской поэмы» С. М. Соловьева (*Соловьев С. Собрание стихотворений / Редакция и примеч. В.А. Скрипкиной; послесл. С. Гардзонио. М., 2007. С. 382*).

²¹ Кара-Мурза впервые появляется в списках членов кружка в 1903 г., см.: *Розенталь Е.И. Московский литературно-художественный кружок. Исторический очерк. 1898–1918 гг. М., 2008. С. 107*.

Вскорости он был избран в число членов Дирекции, и наконец председателем Дирекции на место А. И. Южина-Сумбатова²².

Таким образом Вал. Як. стал первым лицом в самом изысканном и культурном московском клубе.

Нужно сказать, что Брюсов любил директорскую роль и умел администрировать. Он всегда и везде был «настоящим человеком, на настоящем месте»²³ и превосходно, с большим достоинством и тактом представлял за кружок перед градоначальством, городской управой, полицией и пр.

В то время на политическом горизонте Европы ярко выделялась фигура французского премьер-министра Аристиды Бриана, и директора кружка, гордясь своим председателем, в шутку называли Вал. Як. «наш Бриан»²⁴.

Вал. Як. был большим знатоком античной, классической литературы, превосходно знал латынь и древнегреческих авторов. В связи с этим я вспоминаю один характерный эпизод.

Как-то приехал в Москву читать доклад в Литературно-художественном кружке известный петербургский филолог-классик, профессор Фаддей Францевич Зелинский.

После доклада по обычаю клуба выступавшему устраивался ужин, и поближе к гостю сажали лиц по возможности из числа коллег и специалистов, могущих занять приезжего гостя.

И на этот раз Зелинского окружили московские филологи и латинисты: проф. Лопатин, Иванцов, Шамбинаго, Ланговой²⁵ и, конечно, Брюсов.

²² Брюсов возглавил Кружок в 1909 г. (Там же. С. 25–26).

²³ Английский фразеологизм («the right man in the right place»), прижившийся на русской почве благодаря Тургеневу.

²⁴ Далее в черновике следовал фрагмент, вычеркнутый автором:

«Отношения мои с Вал. Як. в ту пору были самые лучшие. Вал. Як. видел во мне явно сочувствующего новым эстетическим веяниям, в частности, символизму в поэзии и модернизму в искусстве. И это так и было. Я чувствовал, что в области художеств назревает что-то новое, доселе неведомое и что носителями этого нового являются руководители “Скорпиона” и “Весов”.

Но тут отношения наши с Вал. Як. резко ухудшились. Поводом к тому послужило следующее обстоятельство. В течение двух-трех сезонов эстрада литературно-художественного кружка благодаря сильному влиянию Вал. Як. превратилась в арену для всякого рода публичных выступлений московских декадентов.

В первый год я, сочувствующий, относился как член вторичной Комиссии к ним приветливо и давал в Новостях Дня, где работал, благоприятные отзывы и заметки, с трудом преодолевая сопротивление самой редакции газеты».

²⁵ Перечислены философ Лев Михайлович Лопатин (1855–1920), один из братьев Иванцовых (членами кружка были четверо Иванцовых: Александр Александрович, Михаил Александрович, Николай Александрович и Сергей Александрович. Ни одного латиниста среди них, кажется, нет. Известнее прочих натуралист Николай Александрович (1863–1927); ближе других к делам кружка стоял Сергей Александрович (ок. 1867–1917). Александр Александрович был директором Московской женской гимназии; в списке

За столом речь, естественно, велась на классические темы. Из уст ужинающих то и дело раздавались латинские цитаты, стихи, афоризмы. Брюсов больше молчал. Инициатива беседы была, конечно, за Зелинским: он говорил о Вергилии и привел было большой отрывок из Энеиды. Но в середине цитаты запнулся и продолжить не мог: то ли под влиянием выпитого вина, то ли по ослаблению памяти.

Никто из присутствующих также не мог подхватить цитаты. Тогда с середины стола раздался мерный, гортанный голос Брюсова, который с невозмутимым спокойствием продолжил длинную цитату и без запинки закончил ее. Профессора-латинисты только смущенно переглянулись между собой. То же самое повторилось при цитатах из Овидия: когда филологи-лингвисты запинаясь, Брюсов без всякого напряжения памяти подхватывал отрывок и скандировал его до конца. Таковы были память и знание классики Вал. Яковлевича.

Грянула Японская война и затем революция 1905 г. Отношение Брюсова к этим историческим событиям достаточно известно. Вал. Як. откликнулся на войну прекрасной патриотической одой «К Тихому океану»²⁶ и 19 марта 1904 г. писал в письме к Перцову следующие знаменательные строки: «Ах война! Наше бездействие выводит меня из себя. Давно пора нам бомбардировать Токио. Я люблю японское искусство. Я с детства мечтаю увидеть эти причудливейшие японские храмы-музеи. Но пусть русские ядра дробят эти храмы, эти музеи и самих художников, если они там еще существуют. Пусть вся Япония обратится в мертвую Элладу, в руины лучшего и великого прошлого, а я за русских. Россия должна владычествовать на Дальнем Востоке. Великий океан – наше озеро, и ради этого долга ничто все Японии, будь их десяток! Будущее принадлежит нам и что перед этим, не то что всемирным, а космическим будущим – все Хокусаи и Оутомары вместе взятые»²⁷. Проникновенные слова!

Чем пламеннее верил Брюсов в свою родину, предвещая даже не всемирное, а космическое будущее России, тем тяжелее он переживал позор Цусимы и унижительный виттевский портсмутский мир.

выпускников гимназии Поливанова он охарактеризован как «Филолог. Учитель истории и географии» (Двадцатипятилетие Московской частной гимназии, учрежденной Л.И. Поливановым. 1868–1893. М., 1893. С. 41). Михаил Александрович окончил историко-филологический факультет Московского университета (Там же. С. 43) и преподавал в Московской консерватории, филолог Сергей Константинович Шамбинаго (1871–1948) и, вероятно, приват-доцент Московского университета врач Алексей Петрович Ланговой (1856–1939), не бывший, впрочем, в отличие от перечисленных выше, членом кружка.

²⁶ Стихотворение «К Тихому океану» («Снилось ты нам с наших первых веков...») впервые напечатано: Русский листок. 1904. № 28. 29 января. С. 1.

²⁷ Кара-Мурза цитирует письмо по источнику: Десять писем Валерия Брюсова к П.П. Перцову / Публ. и предисл. Г. Лелевича, прим. П. П. Перцова // Печать и революция. 1926. № 7. С. 42.

На события 1905 г. Вал. Як., как известно, отзывался рядом своих замечательных стихотворений: знаменитое «Каменщик, каменщик, в фартуке белом», было написано еще раньше²⁸.

За время своего пребывания на посту Председателя Дирекции Литературно-Художественного Кружка Вал. Як. сделал для кружка очень много, он поднял его престиж в глазах московской интеллигенции, обогатил библиотеку кружка, превратив довольно чахлые собрания книг в одно из лучших московских книгохранилищ, завел так называемую «Золотую Книгу» автографов, в которую занесли свои записи многие отечественные знаменитости и немало знатных иностранцев²⁹.

Вал. Як. встречал и приветствовал речами всех приезжавших в Москву деятелей искусства, литературы, политики.

Английский фантаст Уэллс³⁰ и бельгийский поэт Эмиль Верхарн³¹, датский новеллист Герман Банг³² и король французских поэтов Поль Фор³³, итальянский футурист Маринетти³⁴ и французские

²⁸ Стихотворение «Каменщик», первую строку которого приводит мемуарист, впервые напечатано в книге Брюсова «Urbi et orbi» (М., 1903. С. 118).

²⁹ «Золотая книга» автографов членов кружка и почетных гостей хранилась в библиотеке Академии общественных наук при ЦК КПСС, откуда была передана в РГАЛИ (Ф. 1336. Оп. 3. Ед. хр. 14). Коллекция автографов, составлявших собственное собрание кружка, легла в основу Ф. 176 ОР РГБ.

³⁰ Впервые Уэллс приезжал в Россию в начале 1914 г., пробыв в Москве с 20 по 24 января (см.: *Левидова И.М.* Первый приезд Г. Д. Уэллса в Россию // Левидова И.М., Парчевская Б.М. Герберт Джордж Уэллс. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1898–1965. М., 1966. С. 125–129); ни о его встречах с Брюсовым, ни о визите в Литературно-художественный кружок сведений у нас нет.

³¹ О встречах с Верхарном см.: *Дронов В.С.* Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963. С. 216–231; Переписка с Эмилем Верхарном / Вступит. статья и публ. *Т.Г.* Динесман // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 546–621.

³² Банг, бывавший в России еще в конце XIX века, приезжал в Москву в декабре 1911 года (см. многочисленные мемуары о его русском вояже, собранные в книге: *Левенсон А.* Поэт безнадежных поколений. М., 1912. С. 9–10, 12–13, 16–17, 20), но сведений о его встречах с Брюсовым у нас нет. Ср., кстати, замечание хроникера: «К сожалению, организовавшие его чтение – весьма плохие организаторы: они точно заботились о том, чтобы сделать из выступления Банга секрет, позабыли сколько-нибудь заблаговременно оповестить о чтении, не приняли никаких мер, чтобы привлечь внимание. Датский писатель увезет из Москвы самые печальные воспоминания. Ему пришлось выступить в неуютной, более чем наполовину пустой зале, перед случайной публикой. [...] Совсем отсутствовала Москва литературная и артистическая [...]» (Б. п. На чтении Банга // Русские ведомости. 1911. № 281. 7 декабря. С. 4).

³³ Поль Фор, стихи которого переводил Брюсов, был в России в 1914 г.: подробнее см.: Тименчик Р. Из мимолетностей французо-русских литературных связей XX века. Письмо Поля Фора Владимиру Пясту // *Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire.* Lausanne, 1995. P. 145–149. Исключительно подробное описание его вечера в Литературно-художественном кружке см.: *Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь. М., 1994. С. 571–574.

³⁴ О визите Маринетти в 1914 г. см.: *Котрелев Н.В.* Ф.-Т. Маринетти и Россия: Новые материалы и наблюдения // Италия и славянский мир: Сб. тезисов. М., 1990. С. 95–97;

депутаты социалисты Альберт Тома и Ренэ Вивиани³⁵, французский композитор Клод Дебюсси³⁶ и польская клавесинистка Ванда Ландовска³⁷, – все они услышали приветствия от Москвы из уст Валерия Брюсова.

Как будто ленивая и рыхлая тогдашняя Москва обрадовалась, что нашла нужного человека, который перед иностранцами лицом в грязь не ударит и раз навсегда передоверила Брюсову произнесение всех приветственных речей приезжающим в Москву знаменитостям.

В апреле 1909 г. вся Россия участвовала в Гоголевских юбилейных торжествах. В Москве на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевском), состоялось открытие памятника великому писателю.

На второй день празднеств Общество Любителей Российской Словесности устроило у себя торжественное заседание, посвященное Гоголю.

В качестве одного из докладчиков был приглашен Вал. Як. Брюсов. Он произнес блестящую по форме, но крайне парадоксальную по оценке писателя речь³⁸.

Вал. Як. трактовал Гоголя как великого фантаста и преобладающей чертой его творчества признал пристрастие к гиперболизму, стремление к безмерному и беспредельному.

Уже к середине речи Брюсова, которая называлась «Испепеленный», в публике началось какое-то недоброежелательное к оратору движение, некоторые слушатели стали громко выражать свое недо-

Парнис А.Е. К истории одной полемики: Ф.Т. Маринетти и русские футуристы // Футуризм – радикальная революция. Италия – Россия. К 100-летию художественного движения. М., 2008. С. 177–185.

³⁵ Французские министры Альберт Тома (1878–1932) и Жан Рафаэль Адриен Рене Вивиани (1863–1925) входили в состав делегации, посетившей Россию весной 1916 г. (первый из них бывал здесь и позже).

³⁶ Клод Дебюсси приезжал в Россию в 1913 г.; см.: Ред. Чествование Дебюсси // Аполлон. 1913. № 10. С. 82–83; П. Выступление Клода Дебюсси // Русское слово. 1913. № 277. 1 декабря. С. 9. В частности, 25 ноября его чествовали в Литературно-художественном кружке (см. отчет: Русские ведомости. 1913. № 272. 26 ноября. С. 5). Согласно подробному протоколу приветствия, Брюсов в нем официального участия не принимал (Известия Литературно-художественного кружка. Вып. 3. 1914. Январь. С. 20); более того, тремя днями позже ему была послана от имени дирекции кружка телеграмма «с выражением пожелания скорейшего возвращения в Москву к совместной работе на пользу и процветание Кружка» (Там же).

³⁷ Ванда Ландовска (Ландовская; 1879–1959) гастролировала в России в 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 и 1913 гг. В частности, в 1910 г. она выступала в Обществе свободной эстетики; повестка на это заседание (3 февраля) сохранилась в бумагах Брюсова (РГБ. Ф. 386. Карг. 135. Ед. хр. 3. Л. 32). См. также: *Шекалов В.А.* Ванда Ландовская и возрождение клавесина. СПб., 1999. С. 103–137.

³⁸ Речь Брюсова была произнесена 27 апреля 1909 г. Текст напечатан: Весы. 1909. № 4. С. 98–120; отд. изд.: М., 1909 и 1910 г. Ср. характеристику ее как «вызвавшей своим парадоксальным и претенциозным тоном шумный протест части публики» (Б. п. Литературное обозрение // Вестник Европы. 1910. № 6. С. 410).

вольство, а в середине речи решительно запротестовали; раздалось громкое шиканье и крики «стыдно», «довольно», многие, шумно хлопая стульями, стали покидать зал.

Ушли даже некоторые члены президиума и почетные гости, сидевшие на эстраде³⁹.

Правда, были и такие слушатели, которые стали аплодировать Брюсову и кричали «просим продолжать». Председательствовал французский академик Мельхиор де Вогио⁴⁰, в зеленом, шитом золотом мундире. Он с большим тактом и умением умиротворил аудиторию и просил Брюсова продолжать свою речь⁴¹. А Вал. Як. стоял в это время за пультом в своей обычной позе со скрещенными руками, запечатленной на знаменитом портрете работы Врубеля, иронически глядел в публику, терпеливо ожидая окончания шума.

Когда зал затих, Вал. Як. спокойно и с огромным достоинством закончил свою речь без всяких инцидентов⁴².

Вокруг его имени всегда бурлила какая-то пена, разгорались страсти, расходились круги как от брошенного в воду камня.

Почти то же самое повторилось через 14 лет в 1923 г. в Московском Доме печати, где Вал. Як. читал свою фантастическую пьесу «Диктатор»⁴³. С самого начала пьесы было ясно, что среди слушателей назревает недовольство и по мере чтения в аудитории нарастало протестующее настроение.

А когда по ходу действия на сцене появляется лифт с обитателями планеты Венеры – один слушатель встал и с криками «чушь, чушь, чушь!» выбежал из зала. Произошло смятение и замешательство.

³⁹ Ср. в газетном отчете: «Раздалось резкое шиканье и крики по адресу оратора: “Стыдно! Довольно!” Многие поднялись и стали покидать зал. Двое демонстрантов вышли, намеренно опрокинув свои стулья. Кое-кто поднялся даже с эстрады. Словом, произошел настоящий скандал» (Б. п. Из мира литературы // Приазовский край. 1909. № 115. 3 мая. С. 5).

⁴⁰ Эжен Мельхиор де Вогио (1848–1910), французский писатель, историк литературы. О нем см.: Эжен Мельхиор де Вогио. Предисловие к книге «Русский роман» / Вступ. заметка П.Р. Заборова, пер. с франц. С. Ю. Васильевой под ред. П.Р. Заборова // К истории идей на Западе. «Русская идея». Сб. статей / Под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 499–503.

⁴¹ Ср.: «Раздалось решительное и бурное шиканье по адресу оратора, крики “довольно” и “стыдно”. Публика поднялась и стала в значительном числе покидать зал и эстраду. Брюсов остановился с недоуменным видом. Исполнявший фактически обязанности председателя за сидящего рядом виконта де-Вогио г. Грузинский не сразу нашелся дать звонок, а когда дал его, он уже был заглушен свистками и криками» (Б. п. В большом зале консерватории // Русское слово. 1909. № 96. 27 апреля. С. 4).

⁴² Подбор других свидетельств о реакции публики см.: *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов. Биография. СПб., 2010. С. 369–373.

⁴³ Кара-Мурза путает даты: обсуждение пьесы «Диктатор» состоялось 2 декабря 1921 г. на «Литературной пятнице» в «Доме печати» (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов События. Отзывы современников. Библиография. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. Т. 1. Ч. 2. С. 248).

Вал. Як. на некоторое время перестал читать. Часть аудитории зааплодировала и просила продолжать чтение, и Брюсов с невозмутимым спокойствием закончил пьесу.

Нужно сказать, что так во всем и всегда: никогда Вал. Як. не приходилось иметь полный успех, всегда находилась частичка аудитории, которая неизменно протестовала.

А также неуспех и провал никогда не постигал Брюсова целиком: часть слушателей восторженно аплодировала ему. Вероятно, от роду суждено было Брюсову порождать своими выступлениями раскол, вызывать бурю и смятение.

После речи, произнесенной на юбилее Гоголя, в прессе и в литературе началось форменное гонение и преследование Брюсова. Годами накапливающаяся зависть, злоба, злопыхательство и злорадство прорвались как в плотине и брызнули на поэта, и Брюсов не только познал несправедливость в стане своих врагов, но и измену со стороны своих бывших соратников.

Начался форменный негласный суд над Брюсовым. Вал. Як. инкриминировалось, как писал один юморист: «превышение критической власти, проживание по подложному паспорту знаменитости, тайно похищенному из Олимпа путем усыпления сторожевых муз наркотиком трудолюбия и усидчивости»⁴⁴.

С большой книгой «Брюсов и русский язык» выступил Андрей Шемшурин, плоско и убого пытавшийся доказать, что Брюсов невежественен в знании русского языка⁴⁵, Юлий Айхенвальд бросил свое крылатое слово, что Брюсов не талант, а преодолевший свою бездарность⁴⁶, Бальмонт подал свой голос: «Скучно быть делопроизводителем своей собственной славы»⁴⁷, Зинаида Гиппиус обмолвилась: Брюсов сам себе Державин и сам себе Грот⁴⁸, Борис Садовской доду-

⁴⁴ Источник цитаты не установлен.

⁴⁵ Об Андрее Акимовиче Шемшурине (1872–1937) и его антибрюсовских эскападах см.: Соболев А.Л. Летейская библиотека. М., 2013. Т. 2. С. 378 – 379.

⁴⁶ Имеется в виду финал заметки Айхенвальда о Брюсове: «В объективном отношении слишком скудные результаты его напряжений и ухищрений, он трудом не обогатил красоты; но если Брюсову с его сухой и тяжеловесной, с его производной и литературной поэзией не чуждо некоторое величие, то это именно – величие преодоленной бездарности» (Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1910. Вып. 3. С. 99).

⁴⁷ Ср.: «И приличествует ли, в каком бы то ни было возрасте, быть исканителем [sic!] поэтических дневников своей юности и делопроизводителем собственной своей славы» (Бальмонт К.Д. Забывший себя // Утро России. 1913. 3 августа. № 179. С. 3).

⁴⁸ Кара-Мурза ошибается (или сознательно лукавит): эта фраза принадлежит не Гиппиус, а Д.В. Философову и содержится в отзыве на первый том брюсовского собрания сочинений: «Брюсов-Державин перерабатывает свои сочинения, а Брюсов-Грот стремится собрать все брюсовские крохи и напечатать все варианты» (Философов Д.В. Расточительность // Речь. 1913. 22 июля. № 197. С. 2).

мался до того, что называл Вал. Як. Вильгельм Гогенцолерн⁴⁹, а там пошли и пошли: Георгий Иванов, Вадим Шершеневич⁵⁰ и др. стали изощряться друг перед другом в придумывании обидных определений: Брюсов-завистник, надменный диктатор, откровенный позер, искусный жонглер, голая техничность, замена музыки механической куклой из папье-маше, ловкость рук, сомнительный вкус, торжественное преклонение перед самим собой и тому подобное.

А Вал. Як. не придавал никакой цены поднятой вокруг его имени свистопляске [и] в это время в тиши своего кабинета неустанно работал, писал, читал, изучал и творчески рос.

В дни Гоголевских торжеств в Литературно-Художественном Кружке был устроен любительский спектакль.

Был поставлен «Ревизор» исключительно силами литераторов: все роли исполнялись писателями и журналистами⁵¹. В Москве не хватило писателей и из Петербурга был выписан Баранцевич⁵², специально для роли Земляники.

Вал. Як. досталась крошечная роль Степана Ивановича Коробкина, который появляется только в последнем акте. Он читает письмо Хлестакова, адресованное Тряпичкину. Но нужно было видеть с какой добросовестностью относился Вал. Як. к взятой на себя роли в 15-20 строк, как аккуратно и педантично посещал он все репетиции, тщательно гримировался, выбирал седой парик, прилаживал красный фрак.

А до начала репетиции все волновался по поводу редакции комедии, спрашивал по какому же тексту будем играть, по первому варианту или по щепкинской рукописи⁵³.

И все же сыграл свою роль Вал. Як., нужно сказать, неважно; и по голосу и по манерам и по походке Коробкин оставался Вал. Як. Брюсовым, и его сразу узнали⁵⁴.

⁴⁹ Ср.: «Как Вильгельм, создал Брюсов по образу и подобию своему целую армию лейтенантов и фельдфебелей поэзии, от Волошина до Лифшица [sic!], с кронпринцем-Гумилевым во главе» (*Садовской Б.* Озимь. Статьи о русской поэзии. Пг., 1915. С. 38).

⁵⁰ Многочисленные отзывы Шершеневича и единственный (до 1917 г.) Георгия Иванова перечислены в: Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973 / Сост. Э.С. Даниелян. Ред. К.Д. Муратова. Ереван, 1976.

⁵¹ Спектакль состоялся 8 апреля 1912 г. в Литературно-художественном кружке. Подробнее см.: *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов. Биография. С. 384–385.

⁵² Казимир Станиславович Баранцевич (1851–1927).

⁵³ Вероятно, подразумевается меняющая смысл пьесы «Развязка Ревизора», написанная Гоголем для бенефиса М.С. Щепкина (и отвергнутая последним).

⁵⁴ Ср.: «[...] В.Я. Брюсов, облачившись в красный фрак с жабо, заклеив бородку, сделал себе седые усы и седые зачесанные височки, изображал Коробкина, у которого полторы фразы. На мой взгляд, бремя участия в спектакле никого так не давило, как московского поэта. На лице явственно читалось: “И кой черт понес меня на эту галеру!” Характерные

Но зато этот спектакль показал, как скрупулезно-щепетилен был Вал. Як. в добросовестном исполнении всех принимаемых на себя обязанностей, как бы они ни были малы и незначительны.

Наступило 19 июля 1914 г. Грянула империалистическая война. Первые же выстрелы германских орудий, раздавшиеся в Калише⁵⁵, пробудили в Брюсове его патриотизм; он оставил все свои московские дела, журналы, альманахи, журфиксы, Кружок, «Свободную Эстетику» и уехал на фронт.

Он пожелал воочию увидеть трагедию войны и стал военным корреспондентом. Вал. Як. предложил свои услуги лучшей дореволюционной прогрессивной газете того времени, «Русским Ведомостям», которые с восторгом приняли предложение Брюсова⁵⁶.

Те самые «Рус[ские] Вед[омости]», которые когда-то глумились над Брюсовым, открыли ему свои столбцы.

Характерно отметить, что Брюсов был в жизни чрезвычайно удачен, счастлив и везуч.

Какую бы цель он себе ни поставил, он ее достигал.

И в дальнейшем – захотел быть сотрудником лучшего московского журнала «Русская Мысль», который когда-то, также как и «Рус[ские] Вед[омости]», высмеивал Брюсова-новатора и Вал. Як. стал не только сотрудником, но, после смерти Чехова, и редактором литературного отдела этого журнала⁵⁷.

Я убежден, что если бы жизнь Вал. Як. не пресекалась так резко, так безвременно, он бы достиг самых вершин в коллегии Наркомпроса, в котором работал после великой Октябрьской революции.

Уже на пятый день войны, 24 июля 14 г., мы провожали Вал. Як. на войну и Литер[атурно-]Худож[ественный] Кружок давал ему прощальный обед. Многие ораторы отмечали выдающееся значение Брюсова как писателя и выражали уверенность, что исключительно богатые впечатления дадут и исключительно богатый результат. В ответ на дружеские приветствия Вал. Як. просил забыть о нем как о писателе и личности и помнить, что такие моменты исключают значение личности. «Мир живет одной душой, – сказал он, – миллионное славянство довлеет единой целью. В этих мировых катастрофах, когда впереди переоценка всех ценностей, не время заниматься

брюсовские жесты, походка остались непобежденными и были полностью переданы Коробкину» (*Чужой* [Эфрос Н.Е.] На спектакле литераторов // Речь. 1912. № 98. 11 апр. С. 2)

⁵⁵ Польский город Калиш был занят немцами в первые дни войны.

⁵⁶ Брюсов работал фронтовым корреспондентом «Русских ведомостей» с середины августа 1914 по конец мая 1915 г.

⁵⁷ Брюсов возглавил литературно-критический отдел «Русской мысли» лишь осенью 1910 г.

личностью. Я еду простым чернорабочим. Поднимем бокал за культуру, за право, за духовные ценности, во имя которых мы призваны бороться. Будем верить в победу над германским кулаком. Славянство призвано ныне отстаивать гуманные идеалы, культуру, право, свободу народов»⁵⁸.

Отъезжающему писателю мы, члены Кружка, поднесли походную сумку со всеми нужными принадлежностями.

В своих превосходных корреспонденциях Вал. Як. неизменно восхвалял доблесть русских солдат, проявлявших, несмотря на бездарность и измены высшего командования, чудеса храбрости и мужества, отваги и героизма⁵⁹.

Кроме своих корреспонденций Вал. Як., как известно, откликнулся на войну целым рядом высокопатриотических стихотворений.

В своей другой речи, произнесенной по приезде с фронта, Вал. Як. указал, что не время говорить о лицах, о поэтах, о поэзии. «Если бы обстоятельства момента сложились так, – сказал Брюсов, – что пришлось бы выбирать между поэзией и родиной, то пусть погибнет поэт и поэзия, а торжествует великая Россия, потому что наступит грядущее торжество родины и тогда явится поэт, достойный великого момента»⁶⁰.

В дни первой империалистической войны Вал. Як. глубоко презирал Германию. Но все его политические высказывания всегда переплетались с литературными оценками. Помню один его замечательно-остроумный отзыв о немецкой литературе.

«Я люблю и ценю германских поэтов, – говорил Вал. Як., – и Шиллера и Гете. Но что они писали и для кого они творили? “Орлеанская Дева” написана для французов, “Мария Стюарт” для англичан, “Эгмонт” для голландцев, “Вильгельм Телль” для швейцарцев. А что же они написали для своих немцев? Только “Разбойники”!»

Известно, с какой открытой душой, как неоглядно и безоговорочно встретил Вал. Як. великую октябрьскую социалистическую революцию и вступил в тесное сотрудничество с советской властью.

⁵⁸ Эти слова приводит один из хроникеров, описывавших торжественный обед: Проводы В.Я. Брюсова // Голос Москвы. 1914. 25 июля. № 170. С. 3. Позже они были включены в биографию Брюсова, которая, возможно, и была использована Кара-Мурзой в качестве подспорья для памяти: *Аишукин Н.* Валерий Брюсов. М., 1929. С. 321.

⁵⁹ Военные корреспонденции Брюсова ныне переизданы: *Политика и поэтика: Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны.* Публикации, исследования и материалы. М., 2014. С. 264–580 (подготовка текста и коммент. А.И. Иванова, Г.В. Мурзо, Э.С. Даниэлян, М.В. Орловой).

⁶⁰ Из речи, произнесенной Брюсовым на ужине 13 января 1915 г. в Литературно-художественном кружке, где чествовали его и С.С. Мамонтова; см.: *Известия Литературно-художественного кружка.* Вып. 10. 1915. Февраль. С. 39.

Он последовательно работал в Книжной Палате, в Государственном Издательстве, в библиотечном фонде и в литературном отделе Наркомпроса, в Главпрофобре по отделу Художественного образования, в Государственном Ученом Совете, и, наконец, незадолго до смерти организовал и стал во главе Высшего Литературно-Художественного Института, который после смерти Брюсова носил его имя.

На всех своих административных постах он обнаруживал огромную работоспособность, развивал необычайную энергию, показывал примеры исключительной трудоемкости своего рабочего дня. Он поражал своих сослуживцев и подчиненных беспримерной точностью своей работы, знал все необходимые по делу декреты Совнаркома, все постановления Наркомпроса, их номера, даты опубликования и пр.

И в то же время не переставал творчески работать, создавал пьесы, поэмы, баллады, сценарии, стихотворения, научные исследования и критические статьи, следуя своему постоянному и неизменному девизу, которого придерживался всю жизнь «nulla dies sine lineis» (ни одного дня без строки).

В 1920 г. Вал. Як. вступил в ряды коммунистической партии.

В течение двух десятилетий Вал. Як. был в орбите внимания москвичей: им интересовались, о нем говорили, сплетничали, одни восторгаясь, другие хуля и злословя, но никто из интересующихся русской литературой не относился к нему безразлично, равнодушно. Вокруг него всегда было движение: враги переходили в круг адептов и почитателей, друзья оказывались в стане врагов.

А М. Горький, в своих фельетонах Иегудиила Хламида в «Нижегородском Листке» вышучивавший Брюсова⁶¹, стал его убежденным почитателем. Незадолго до смерти Вал. Як. Горький писал ему: «Давно и пристально слежу я за вашей подвижнической жизнью, за вашей культурной работой и я всегда говорю о вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы не знаю; эта – искренна»⁶².

Анат. Вас. Луначарский, будучи эмигрантом в Париже, крайне недоброжелательно относился к Брюсовским «Весам» и «Скорпиону»⁶³, а впоследствии так характеризовал Вал. Як.: «Брюсов это начетчик, книгари, усердный филолог, образованнейший русский

⁶¹ Свод отзывов Горького о Брюсове см.: Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973, по указ.

⁶² Письмо от 25 июля 1917 г., т.е. все-таки задолго до смерти адресата (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 12. Письма. Январь 1916 – май 1919. М., 2006. С. 160).

⁶³ Отзывы Луначарского о Брюсове см.: Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973, по указ.

писатель того времени, да и нашего, интеллектуально заостренная и мужественная натура, пуританский, добросовестный облик»⁶⁴.

Пав. Никит. Сакулин, в молодости никак не одобрявший крайних увлечений Брюсова, впоследствии писал: «Поэт грядущего, поэт-провидец, поэт взлетов, – таким он был как символист, таким он остался в рядах коммунистической партии»⁶⁵.

Петр Семенович Коган, товарищ Брюсова по университету, ни в какой мере не разделявший склонностей юного Вал. Як., при новой встрече с ним после революции в Государственной Академии Художественных Наук отметил: «Брюсов – поэт слишком большого размаха, чтобы остаться в границах салонной революции. Его путь – поиски мужественной красоты, путь блужданий, быстрых очарований и глубоких разочарований»⁶⁶.

Зато с другой стороны бывшие друзья, единомышленники и соратники Брюсова, очутившиеся по ту сторону рубежа, стали его яростными врагами, хулителями и ненавистниками.

У Брюсова было два любимых героя: Суворов и Пушкин. В заметках за 1911 г. Вал. Як. записано: «“Выбери себе героя, догони его, обгони его” – говорил Суворов. Мой герой Пушкин»⁶⁷.

Можно себе представить, с каким вдохновением, с каким энтузиазмом – доживи Вал. Як. до второй мировой войны, – отдал бы он все свои силы, всю свою страстность, свою неукротимую энергию, свой темперамент, свой талант на разгром разбойнического немецкого фашизма, бешеного врага славянства, чудовищного врага всего человечества. И как торжествовал бы он после разгрома германских варваров, ничтожных пигмеев, мечтавших об уничтожении великой культуры славянских народов.

⁶⁴ Из некролога, написанного Луначарским (*Луначарский А.В. Собрание сочинений*. М., 1963. Т. 1. С. 437).

⁶⁵ Источник цитаты не установлен.

⁶⁶ Источник цитаты не установлен.

⁶⁷ Впервые опубликовано: *Аиукин Н. Труд Валерия Брюсова // Новый мир*. 1934. № 10. С. 236. Кара-Мурза был, вероятно, знаком с этой записью по цитате, приведенной в: *Аиукин Н. Валерий Брюсов*. М., 1929. С. 273.

Б. А. КОЙРАНСКИЙ

Их было трое – братьев Койранских: Генрих, Борис и Александр⁶⁸. И кто из москвичей, близких в начале нынешнего века к искусству и поэзии, особенно интересовавшихся новейшими художественными движениями символизма и декадентства, не знал их. Один из них был – доктор-психиатр, другой художник, третий адвокат. Но так именовались они лишь по своей официальной профессии и по специальностям. По своему призванию это были журналисты, а по темпераменту – поэты. Все трое печатались в газетах и писали стихи. Где они теперь? Они удивляли собеседника разнообразием своих умственных интересов, знанием иностранных языков и литературы, обширными познаниями в различных областях искусства, философии и истории. Начитанность их была изумительна. Рассказывали, что у отца их было переплетное заведение⁶⁹, и шутники-приятели приписывали энциклопедичность их осведомленности тому, что они без разбору прочитывали все книги, приносимые в заведение отца для переплета. Они были в числе первых московских «декадентов», письменно приветствовали зарождение новых эстетических веяний и пропагандировали лозунги так наз[ываемого] «Нового искусства». Все трое обладали недюжинными ораторскими способностями, и не было такого диспута по вопросам литературы и искусства, на котором кто-либо из Койранских не выступал бы в качестве провозвестника новых канонов красоты и разрушителя старой эстетики. Их выступления были всегда уместны, блестящи, остроумны и парадоксальны; они возмущали и раздражали староверов и приводили в восхищение сочувствующих всему новому и свежему в поэзии. Братья никогда не выступали вместе, всегда по одному. Злые языки говорили, что у трех братьев один общий жилет, и они его носят поочередно.

⁶⁸ Печатается по черновой рукописи: РГБ. Ф. 561. Карт. 8 Ед. хр.. 17. Самый известный из них – Александр Арнольдович (Аронович; 1884–1868); см. о нем словарную статью А.Б. Устинова (Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К–М. С. 11–13). О Борисе (1882–1920) и Генрихе (1883 – после 1960) сведений значительно меньше (см. весьма обстоятельную ревизию наличных данных: Поэзия Московского университета от Ломоносова и до... Книга 5. От Андрея Белого до Павла Флоренского. М., 2010. С. 193–194, 197–198 (справки Н.Н. Перцовой)). Мы можем существенно отодвинуть дату смерти Генриха благодаря письму М. Вишняка к Б.К. Зайцеву от 7 января 1960 г., где упоминается о том, что Г.А. ликвидировал нью-йоркскую врачебную практику и переселился в Лос-Анджелес (Марк Вениаминович Вишняк – корреспондент Бориса Константиновича Зайцева / Публ. А. Клементьева // Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1998. Том I (VI). С. 255).

⁶⁹ Подтверждения этим сведениям у нас нет. Аарону Григорьевичу Койранскому принадлежал в Москве писчебумажный магазин (Верхние Торговые ряды).

Обычный будничный жилет, конечно, имелся у каждого, но был один особый, яркий, «декадентский» жилет, эпатирующий буржуев. В нем они выступали на эстраде в роли труднопобедимых полемистов.

Борис Арнольдович Койранский учился в Москве, в Практической Академии Коммерческих Наук и был товарищем по классу с Н.Л. Тарасовым, с которым читатель знаком по одной из предыдущих глав⁷⁰.

В литературе он впервые выступил вместе с Викт. Гофманом, уже знакомым нам.

Коммерческое образование не могло удовлетворить Б.А., и он стремился поступить в университет. Для этого ему необходимо было получить аттестат зрелости, и он поступил в Коломенскую гимназию, которую он и окончил. Б.А. нежно любил Коломну, и как он радовался бы теперь, читая коломенские повести Пильняка, написанные у Николы на Посадях⁷¹. По окончании Коломенской гимназии Койранский поступил на юридический факультет, и, пройдя его, был принят в состав московской адвокатуры. В начале этого столетия в Москве народилось новое книгоиздательство «Гриф», выпустившее свой первый альманах в 1903 г., принятый критикой и читателями как «декадентский».

«Быть может, то, к чему мы стремимся, – писал в своем манифесте Гриф, – лишь мираж, обманчивый призрак. Но для нас мираж будущего стократ обаятельней и дороже скучной ясности настоящего. Нам не надо спокойствия мертвых гаваней. Наша цель – в неустанной тревоге искания. Мы не фанатики идеи и не клянемся в своей непогрешимости, но жажда неизведанного томит нас, и нам нет иной дороги, как идти вперед с верой или без веры в будущее, навстречу неведомому. Привет тебе, неизвестность!»⁷²

В ту пору Б.А. был всецело охвачен интересами нового издательства, принимал участие в составлении его литературной декларации, много и с увлечением говорил об альманахе, восторгался произведениями его участников: В. Брюсова, Андрея Белого, Макса Волошина. Сам он поместил в первом сборнике Грифа три небольших вещи под общим заголовком «Echo du temps passé». Они были

⁷⁰ Николай Лазаревич Тарасов (1882–1910), который должен был стать, наряду с Б. Койранским, одним из героев книги Кара-Мурзы «Писатели-самоубийцы» (см.: Литературный факт. 2017. № 4. С. 10).

⁷¹ Знаменитый храм Коломны. Этим экзотическим местом издания («Никола на Посадях, издание автора») помечены три книги Б. Пильняка 1924 г. (два тома «Повестей» и том «Рассказов»).

⁷² Подписанное «Гриф» и, вероятно, принадлежащее перу С. А. Соколова (Кречетова) предисловие: Альманах Гриф. М., 1903. С. 5.

подписаны псевдонимом Б. Москвин⁷³. Два отрывка были прозаические, один – стихотворный. Первый из них: – «Billet doux» – был посвящен Конст. Сомову и представлял собой стилизованное письмо княгине влюбившегося в нее на балу кавалера. Письмо было очень искусно выдержано в стиле 18 века. «Сколь счастлив князь, – писал влюбленный, – такую благосклонную жену имея! Мне же предстоит гроб, в который низойти готовлюсь, есть ли [sic] не преступите к сожалению. Извините, что нахожу в том увеселение, описывая первые движения своего сердца». Второй отрывок – «Сострадание» – перевод из Берни – также сделан в сентиментальном стиле эпохи мушек и париков. Третья вещь – стихотворение «Гобелен» («Lisle d'atouç») – стилизованная пастораль во вкусе ТрEDIAКОВСКОГО. Во всех этих пустячках было много вкуса, художественной выдумки и знания эпохи.

В 1904 г. вышел второй альманах «Грифа». В своем новом манифесте «Гриф» писал: «Когда мы вышли в путь, нас встретили гамом и свистом. Мы не ждали иного. Все имеют очи и уши. Не всем дано видеть и слышать. Тем ярче горят немногим наши огни»⁷⁴.

Б.А. всецело отождествлял себя с «Грифом», делил с ним его судьбу, вместе с ним переживал все его удачи и гонения. На всех диспутах он выступал в роли застрельщика новых эстетических теорий и беззаветно защищал «Гриф». Во втором альманахе Б.А. уже выступил под своим именем – Борис Койранский, – и дал три сонета о встречах. В них очень искусно переплетались мотивы романтической лирики с нотами «городской» поэзии. Такая амальгама вообще очень характерна для Койранского, бывшего как поэт под обаянием В. Брюсова.

Я приведу здесь один из сонетов Б.А., показательный для ранней поры поэзии урбанизма, впоследствии расцветшей пышным цветом.

На улице ночной я жажду новой встречи
И вглядываюсь в глубь всех встречных женских глаз.
Тропую звездной убегает газ...
Слежу шаги, ловлю отрывки речи,

Но нет ее. И что-то каждый раз
Мне говорит, что это лишь предтечи,
А кто-то каменный мне давит грудь и плечи,
И холодно глядит луны кровавый глаз.

⁷³ Там же. С. 83–85. Вопреки сообщаемому далее автором, К.А. Сомову посвящен весь цикл, а не только первый текст.

⁷⁴ Альманах Гриф. М., 1904. С. [5]. В оригинале записано в столбик.

Но вот шаги... Чернея в лунном блеске
Вуалью темною, желанный силуэт
Идет. Мы встретились. Слились в случайном всплеске

Со взором взор, и просьба и ответ.
Идем рука с рукой, идем над скрытой бездной,
И убегает газ тропею звездной.

В этом же интимно-урбанистическом стиле и другие сонеты Б. Койранского. С годами Б.А. заметно уходил от стихотворной формы и писал прозой. А когда пришел зрелый возраст и будни жизни охватили бывшего мечтателя и превратили его в трезвого реалиста, он стал писать фельетоны и публицистические статьи на различные литературно-общественные темы. Б.А. любил странствовать, часто уезжал за границу; откуда посылал своим друзьям небольшие сувениры. Особенно он ценил жизнь в Париже и в Риме. Охотно жил в этих городах, посещая музеи и галереи. Я с благодарностью храню у себя присланный мне Б.А. из Рима бюст Никколо-да-Иццано работы Донателло. Возвращаясь в Москву, он тосковал по югу, а покидая Россию, скучал по Москве, нежно им любимой. Он любил московские бульвары и парки, любил солнечные летние воскресенья в Сокольниках, ранние сумерки в Петровском-Разумовском. Выбирая квартиру, он главным образом интересовался видом, открывающимся из окон.

Последняя квартира была снята им на углу Моховой и Воздвиженки с намеренной целью любоваться пирамидальными тополями в сквере архива Министерства юстиции⁷⁵. И он радовался как маленький, когда ранней весной начинали распускаться почки на этих стройных тополях, которых в Москве так мало.

Одной из слабостей Б.А. был фарфор, особенно английский. За хороший Веджвуд он готов был отдать свои последние деньги. Он собирал также портреты русских деятелей, и особенно любил фотографии 19 века. Работая в Румянцевском музее, он собирался там организовать фотографический кабинет.

Революцию Б.А. принял восторженно. Весной 1918 г. он уехал в Киев в качестве корреспондента одной из московских газет. Там его застала Скоропадщина. До нас доходили странные слухи, что Б.А. сделался редактором газеты германской ориентации, и что

⁷⁵ Вероятно, последняя квартира была снята не ранее 1917 г., поскольку в адресной книге за этот год (традиционно подготовленной годом раньше) Б.А. Койранский значится проживающим по адресу: 3-й Монетчиковский пер., д. 10.

немцы его очень ценили как блестящего газетного руководителя. В последнем не было ничего удивительного, но самый факт редактирования белой газеты представлялся для его московских друзей непонятным и маловероятным. Неискушенный в политике, поэт и эстет Б.А., очевидно, запутался в клубке взаимно-исключающих друг друга военно-политических [сил?], каковым тогда был Киев. Красные, белые, Скоропадский, Украинская рада, германская оккупация, Петлюра, Винниченко. В психическом отношении Б.А. Койранский никогда не отличался особой устойчивостью, и очутившись в одиночестве вдаль от Москвы, лишенный обычного круга своих друзей, – он разрубил узел своих внутренних трагических противоречий путем самоуничтожения, покончив жизнь в Сухуме выстрелом из револьвера. Как и почему он попал на черноморское побережье осталось невыясненным⁷⁶.

О КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СКОРПИОН»⁷⁷.

Мы посвящаем сегодняшнее заседание «Русского Общества Друзей Книги» издательству «Скорпион» по случаю 25-летия, истекшего с его основания⁷⁸. Не следует рассматривать наш сегодняшний вечер как акт всесторонней оценки деятельности издательства, оставившего столь глубокий след в истории русского книжного

⁷⁶ Последние годы жизни Б. Койранского почти не поддаются реконструкции. Единственный разысканный источник – некролог в тифлисской газете, автор которого впечатляет степенью своей осведомленности:

«Приехавшие из Баку рассказывают, что в Казахе покончил жизнь самоубийством московск[ий] прис[яжный] пов[еренный] Борис Арнольдович Койранский.

Покойный по окончании московского университета вступил в ряды присяжной адвокатуры и быстро выдвинулся как смелый и яркий защитник в политических и уголовных делах. Параллельно с адвокатурой, Койранский занимался и литературой – писал статьи по литературной и театральной критике, политические и общественные фельетоны.

После октябрьского переворота Койранский попал в Одессу, где сотрудничал в газетах; из Одессы он пробрался в Тифлис, где поместил несколько фельетонов в “Слове”. Затем покойный перебрался в Баку, где он снова главные свои силы отдал адвокатуре.

После воцарения в Баку большевизма Койранский поступил на службу в “Каврост” и был откомандирован в Казах для открытия отделения “Кавроста”. Здесь он сильно тосковал, рвался в Грузию, но пропуска не мог получить. Злая ирония судьбы – разрешение на выезд пришло уже после смерти.

Ушел из жизни молодой полный сил яркий нешаблонный человек. Еще одна жертва кошмара наших жутких дней» (Л. Самоубийство Б. Койранского // Слово (Тифлис). 1920. № 212. 18 сентября. С. 4).

⁷⁷ Печатается по автографу: РГБ. Ф. 571. Карт. 1. Ед. хр. 4. В той же единице хранения – фрагменты черновика.

⁷⁸ Доклад был прочитан 11 декабря 1925 г.; к этому же дню была приурочена выставка книг и графических материалов, связанных с деятельностью издательства (см.: *Марков А.* Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004. С. 318).

дела; не является он также персональным чествованием издателя⁷⁹. И то и другое привлечет несомненно значительно больше внимания Москвы и ее литературно-научных организаций. Наше заседание – лишь скромная, минимальная дань друзей книги издательству, близкому и дорогому сердцу всякого библиофила.

На ранней заре нового столетия, весной 1900 года, в Москве народилось новое литературно-художественное издательство, которое через 4 года приступило к изданию ежемесячного критико-библиографического журнала «Весы». Появление этого издательства совпадает с одним из интереснейших и ярких моментов в истории развития новейших литературных направлений в Европе. На рубеже 20-го века на Западе происходят ожесточеннейшие литературные битвы, завязываются критические схватки, горячо дебатуются острые, всех волнующие вопросы о том особом настроении усталости и упадке творческих сил, которое создается и развивается в расслабленной атмосфере так называемого конца века – «fin de siècle». Макс Нордау гремит своей книгой «Вырождение», подводя под это определение самые разнообразные, вовсе не схожие между собой явления литературы, философии и искусства. Жюль Леметр называет новейшие литературные течения декадансом, новаторы подхватывают это слово и именуют себя декадентами. Они находят в новом искусстве не вырождение, а признаки ренессанса, усматривают не упадок, а желанное творческое оздоровление, как законная реакция против крайнего натурализма. Нарождение «Скорпиона» в России обуславливалось наличием вполне созревшей соответствующей атмосферы, подготовленной к восприятию идей новых эстетических теорий. Это было время, когда достигло уже своего зенита колдовское дарование Врубеля, когда Скрябин искал и добивался новых звуковых сочетаний, Шехтель создавал свои причудливые архитектурные фасады, а по городам Поволжья скитался Горький с томиком Ницше в кармане. В экономике господствовал марксизм, в философии ницшеанство, в искусстве символизм. Они как таран подрывали основы старого мещанского миропонимания минувшего века. Только старая поэзия ждала еще своих разрушителей и новаторов. Выразителем нового художественного направления в литературе и поэзии, оформляющим их движения, суждено было стать книгоиздательству «Скорпион», а пропагандистом его – бое-

⁷⁹ Руководитель и сооснователь «Скорпиона» – Сергей Александрович Поляков (1874–1943). О нем см.: *Богомолов Н.А.* К истории символистского книгоиздания: автобиография С. А. Полякова // Тихие песни: Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014 С. 19–38.

вому агитационному органу «Весы», бросавшему в дремлющие, инертные, читательские круги новые эстетические лозунги и художественные формулы. С возникновением «Скорпиона» в России, на грани двух веков повеяло свежим дуновением новизны. Все было ново, свежо и своеобразно в этом необычайном литературном начинании. И в самих наименованиях изданий – «Скорпион» и «Весы», заимствованных из созвездий знаков «Зодиака», после казенно либеральных «Сынов отечества» и «Вестников Европы» чудилось что-то дерзновенное, и они эпатировали общество, вызывая в нем тревогу и раздражение, а порой и возмущение. Уличные листки избрали их мишенью для дешевого остроумия, и газеты изощряли на них свои тупые каламбуры. Самое помещение издательства в отличие от обычных редакционных комнат с их клеенчатыми диванами и закапанными в чернильных пятнах столами, было отделано как нарядная пароходная кают-компания.

Редакция помещалась в доме «Метрополь», по фасаду которого тянулась мозаичная цитата из Ницше, а фронтон был украшен композициями по рисункам Врубеля, майоликовыми плитами, изготовленными в абрамцевской керамической мастерской С. И. Мамонтова. Инициатором и издателем «Скорпиона» и «Весов» был никому дотоле неизвестный молодой лингвист Серг. Алекс. Поляков. Идейными вдохновителями дела кроме Полякова были два поэта: В.Я. Брюсов и Ю.К. Балтрушайтис. Вскорости ближайшее участие в издательстве стали принимать К.Д. Бальмонт и Андрей Белый, а впоследствии Блок, Эллис, Борис Садовской и др.

На тусклом фоне серой, прозаической московской жизни деятельность этих энтузиастов была окутана в глазах сочувствующих какой-то таинственностью, а сами они казались некими аргонавтами, пустившимися на поиски драгоценного руна. Попасть на четверги «Скорпиона» было мечтой многих москвичей. Издательство стало легендой. Оно выбрасывало в читающую публику книги, авторы которых были едва известны Москве лишь понаслышке, а то и неведомы вовсе. Ибсен, Артур Шнитцлер, Габриель д'Аннунцио, Кнут Гамсун, Метерлинк, Оскар Уайльд, Верхарн, Пшибышевский, Эдгар По и многие другие, ныне признанные вожди европейской литературы, впервые предстали перед русскими читателями в прекрасных переводах и в отличных изданиях Скорпиона. Сначала они вызывали недоумение у одних, насмешки у других; затем стали нарождаться первые робкие поклонники и ценители, вскоре превратившиеся в пламенных приверженцев и адептов нового направления в искусстве. А через восемь-десять лет эти авторы по-

лучили в России полное признание и приобрели прочное влияние на весь ход развития новейшей русской литературы. Их обаяние сказывалось не только в литературе, но и в жизни. В подражание Уайльдсу в столице насаждался свой особый, московский дендизм, дружеская мистификация называлась «зеленым попугаем»⁸⁰; коньяк стали пить по рецепту Фалька из «*Homo Sapiens*»⁸¹. 22-го августа поклонники гамсуновского Пана праздновали «первую железную ночь» в честь лейтенанта Глана⁸². Если символизм был литературно-философской школой, а декадентство художественным устремлением, то «Скорпион», я бы сказал, это был особый комплекс настроений, создававший благоприятную среду для развития этих учений, питавший и согревавший соответствующую атмосферу для их пышного расцвета.

Из русских поэтов «Скорпион» стал издавать Брюсова, Сологуба, Вяч. Иванова, Кузмина, Зинаиду Гиппиус, Андрея Белого, Блока, Волошина⁸³ и др. Он возродил очаровательную традицию пушкинской эпохи, – издание альманахов – и выпустил ряд литературных сборников «Северные цветы», в которых печатались изысканные произведения современной русской музыки.

Здесь мирно уживались рядом представители самых различных оттенков русской литературы и поэзии от Чехова и Бунина до Сологуба и Кузмина. Столь широкая свобода вкусов и симпатий обеспечивалась терпимостью, глубоким доброжелательством и постоянным благодушием редактора-издателя С. А. Полякова. Андрей Белый в своих воспоминаниях о Блоке пишет следующее: «Чувствовалось, что между мною и Брюсовым, в глубинах туманного подсознания нашего назревает конфликт; и порою мне было не по себе в Скорпионе; да, если бы не С. А. Поляков, с неизменной мягкостью вырвавшийся между нами, смягчавший углы между нами, наверное я б с очень громкою ссорой с Брюсовым отошел от “Весов”. Но Серг. Ал. гарантировал мне свободу всех действий, и я оставался в “Весках”...» («Эпопея» № 2. 1922 г. стр. 158. Москва–Берлин.)⁸⁴

⁸⁰ В честь пьесы А. Шницлера, перевод которой был напечатан под маркой издательства «Скорпион» (см.: Литературный факт. 2017. № 4. С. 84).

⁸¹ Роман С. Пшибышевского.

⁸² В романе Гамсуна «Пан» упоминаются три «железных ночи» – между 22 и 25 августа, когда в местности на севере Норвегии, где проходит действие книги, начинаются первые заморозки.

⁸³ Отдельные книги Волошина под маркой «Скорпиона» не выходили, хотя в упомянутых далее «Северных цветах» он печатался.

⁸⁴ Этот абзац в рукописи зачеркнут.

Заграничными корреспондентами Весов были лучшие иностранные литературные и художественные критики и теоретики эстетизма.

Не менее чем по содержанию замечательны и ценны были издания «Скорпиона» по их внешности. Впервые после грубых кирпичей второй, безвкусной половины 19-го века, в России появились книги, отмеченные печатью высокого библиофильского вкуса и благородного типографского изящества. Издания «Скорпиона» печатались на великолепной бумаге, к которой русская читающая публика не была приучена.

Тонкий, изящный шрифт, стильные виньетки, строго художественные заставки и концовки – все было прекрасно и нарядно, чуждо обычных и банальных книжных трафаретов. Страницы книги оживлялись ценными печатными украшениями и отлично воспроизведенными факсимиле. Обложки делались по рисункам лучших графиков: Обри Бердслея, Фелисьена Ропса, Ван Рейссельберга, Валлотона, Одилон Редона, Сомова, Бакста, Борисова-Мусатова, Феофилактова и др.

Не только в отношении пропагандируемого им «нового искусства», но и в смысле внешнего оформления книги «Скорпион» – это целая эпоха вкуса в истории русской художественной культуры. Она возродила интерес к лучшему и благородному *Buchschmuck*⁸⁵ полиграфического искусства, привила русскому читателю любовь к книге как таковой, утончила его художественные запросы и изоштрила понимание печатного мастерства. Вот почему имя «Скорпиона» никогда не будет забыто в русском издательском деле и будут памятны заслуги его перед книжным просвещением страны.

Буйные вихри последнего десятилетия внесли опустошение в ряды сотрудников Скорпиона и рассеяли их по разным странам света. Спит в ограде Новодевичьего монастыря Брюсов, на Волковом кладбище покоится Блок, недавно в Англии в доме для душевнобольных умер Ликиардопуло⁸⁶; Александр Добролюбов пошел в народ, слился с крестьянством и ныне в образе странника ходит по

⁸⁵ Художественное оформление книги (*нем.*).

⁸⁶ Михаил Федорович Ликиардопуло умер 17 ноября 1925 г. в английском Брайтоне. 3 ноября он писал Г. Уэллсу из хирургической больницы (ср. краткую аннотацию послания: «[...] письмо написано крайне неразборчиво, видимо, оно писалось в постели. В нем содержится очень подробное и невразумительное изложение обстоятельств, в которых оказался бывший переводчик Уэллса. Обстоятельства и впрямь были мрачными: бедность, потеря работы, заболевание легких, угрожающее перейти в скоротечную чахотку, больничная койка». – *Ковалев Ю.В.* Русский переводчик Герберта Уэллса // Советские архивы. 1967. № 1. С. 80).

деревням и селам⁸⁷; Эллис стал богомольным католиком и примкнул к ордену иезуитов⁸⁸, Бальмонт пребывает в Парижской эмиграции [и занят перепевами своего стихотворения: «Этим летом я Россию разлюбил»⁸⁹]. Но живы и работают среди нас полные сил и творческой бодрости С. А. Поляков, Андрей Белый, Сологуб, Кузмин, Волошин и др.; и среди членов Русского Общества Друзей Книги есть ряд бывших сотрудников Скорпиона и Весов: Павел Давидович Эттингер, Игорь Эммануилович Грабарь, Максимилиан Яковлевич Шик⁹⁰, Алексей Иосифович Бачинский⁹¹ и др. Они перьев из своих рук не выпускают, продолжая лучшие традиции «Скорпиона».

В этом залог того, что благородные художественные заветы издательства не померкнут и впредь.

М. А. ДУРНОВ⁹²

Вчера похоронили популярного некогда москвича; архитектора, художника и поэта Модеста Александровича Дурнова⁹³.

В старой, дореволюционной Москве М.А. был очень известен, вращался в литературно-художественных и художественных кругах, принадлежал к кругу так называемой «всей Москвы».

⁸⁷ О биографии А.М. Добролюбова в 1920-е годы (известной лишь в отрывках) см.: *Азадовский К.* Серебряный век. Имена и события. СПб., 2015. С. 46.

⁸⁸ Этот слух настойчиво опровергался самим Эллисом; см.: Литературный факт. 2017. № 5. С. 57–58.

⁸⁹ Стихотворение Бальмонта «Этим летом» («Не собрал я этим летом Божьей жатвы...»), написанное летом 1917 г. и опубликованное 2 сентября (Утро России. 1917. № 213. 2 сентября. С. 1), быстро приобрело скандальную известность.

⁹⁰ Шик Максимилиан Яковлевич (1884–1968) – поэт, переводчик, критик; носил титул немецкого корреспондента «Весов». См. о нем: *Шик Н.Б.* Максимилиан Шик – посредник между русской и немецкой культурами // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М., 1987. С. 170–187.

⁹¹ Бачинский Алексей Иосифович (1877–1944) – опубликовал (под псевдонимом «Жагадис») в «Скорпине» книгу «Облака» (М., 1905); был присяжным рецензентом «Весов» до августа 1906 г., после – печатался в «Перевале» (ср., кстати, высказанное Вяч. Ивановым неудовольствие по поводу тона одного из его отзывов: Перевал. 1907. № 4. С. 72); позже отошел от литературы; с 1918 г. – профессор физики МГУ, автор нескольких учебников. См. о нем: Поливанов К.М. Бачинский Алексей Иосифович // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А.–Г. С. 186; *Матышев А.А.* Энциклопедия репрессированных авторов. 1917–1987. Библиография советской трагедии. СПб., 2012. Т. 1. А–Б. С. 323–324.

⁹² Печатается по автографу: РГБ. Ф. 561. Карт. 7. Ед. хр. 13. Экземпляры некролога хранятся также в фонде Московского областного бюро краеведения (РГБ. Ф. 177. Карт. 43. Ед. хр. 40) и в архиве Дурнова (РГАЛИ. Ф. 965. Оп. 1. Ед. хр. 91).

⁹³ М. А. Дурнов умер 5 августа 1928 г.

Он отличался своим изяществом, светскостью, хорошим вкусом, и никто бы не подумал, что этот изысканный эстет, насаждающий в Москве «дэндизм» в английском стиле, по своему происхождению из крестьян.

Мальчиком он попал в Училище живописи, ваяния и зодчества и пошел по архитектуре: он был учеником проф. Быковского, Каменского и Соловьева⁹⁴. Но уже во время прохождения архитектурного курса в нем обнаружили недюжинные способности к живописи, и в особенности к акварельной, и М.А. блестяще окончил школу с дипломом на звание свободного художника архитектуры. Но как зодчий-профессионал он мало осуществлял свое призвание: в качестве строителя-производственника выступал очень редко и в Москве нельзя указать почти ни одного значительного здания, которое было бы сооружено Дурновым, за исключением двух-трех доходных домов в Штатном пер. и на Пречистенке⁹⁵.

Но как кабинетный работник М.А. был чрезвычайно ценен и интересен. Обладая прекрасным художественным вкусом, он создавал отличные проекты отдельных фасадов, украшений и деталей.

По его проекту выстроен театр на Садовой-Триумфальной, ныне имени Мейерхольда. Он был изготовлен по заказу тогдашнего увеселителя Москвы Шарля Омона, и первоначально был задуман составителем очень широко и оригинально⁹⁶.

Вход в театр изображал собой пасть дракона, широко раскрытую для поглощения потоков людей, но тогдашний московский губернатор кн. Голицын⁹⁷ нашел его слишком кричащим и безнравственным

⁹⁴ Быковский Константин Михайлович (1841–1906) – архитектор, преподаватель; Каминский (иногда ошибочно: Каменский) Александр Степанович (1829–1897) – архитектор; Соловьев Сергей Устинович (1859–1912) – архитектор и реставратор.

⁹⁵ Вероятно, Кара-Мурза ошибается: в списке построенных по проекту Дурнова зданий доходных домов нет, см.: *Герикович Е.* Московский денди Модест Дурнов // Пинакота. 2004. № 1–2. С. 72.

⁹⁶ Омон Шарль – известный театральный предприниматель, один из пионеров российского кинопроката; согласно новейшим данным, он был уроженцем Алжира по имени Соломон и появился в Москве около 1890 г. (см.: Великий Киноемо. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908 – 1919. М., 2002. С. 514–516; справка Ю. Цивьяна и Р. Янгирова). В некоторых источниках годом его рождения назван 1860-й (см., напр.: Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 5. Письма 1905–1906. М., 1999. С. 544). Здание было достроено в 1909 г. (дата по: Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. М., 1976. Т. 3. С. 497); позже было приобретено для театра И. Зона; после 1917 г. передано театру Мейерхольда (ср. реплику хроникера: «Это была старая постройка, возведенная по поручению московских купцов художником-декадентом М. Дурновым для блудного игрища пресловутого Омона, переименванная с тех пор многих постояльцев» (*Аксенов И.* Пять лет театра имени Мейерхольда // «Правда нашего бытия». Из архивов театра Вс. Мейерхольда / Сост. и подгот. текстов Н.Н. Панфиловой и О.М. Фельдмана. М., 2014. С. 26). Не сохранилось.

⁹⁷ Владимир Михайлович Голицын (1847–1932).

и не разрешил этого проекта и поэтому весь фасад получил такой скучный, как бы недоделанный вид⁹⁸.

К тому же у антрепренера не хватило средств и широко задуманный проект пришлось еще более скомкать и принести в жертву экономии⁹⁹.

М.А. проектировал внутри театра стеклянные лестницы, сплошные окна во все три этажа, цвет здания должен был быть синий с белыми фарфоровыми орнаментами.

Кому довелось видеть в подлиннике эскиз Дурнова в неискаженном виде, тот должен признать, что он представляет собой настоящее художественное произведение, к сожалению, не претворившееся в жизнь.

Внутри театра автору удалось лишь сохранить променуар, впервые введенный в России, и, действительно оригинальный, громадный люк, расположенный у входа в фойе и огороженный массивной балюстрадой из красного мрамора.

Техническое осуществление постройки театра взял на себя архитектор Новиков¹⁰⁰.

С юных лет М.А. подпал под влияние так называемых модернистов: символистов и декадентов.

Когда в Париже взошла звезда архитектора Гимара, а в Вене зашумели Ольбрих и Макинтош¹⁰¹, М. А. явился в Москве пропаган-

⁹⁸ Ср. другое свидетельство о первоначальном плане здания: «А я видел у Модеста чудно написанный акварелью проект фасада театра. Весь он должен быть очень цветной, покрыт керамической блестящей облицовкой, а по бокам огромного полукруглого входа два панно – женщины в танце, тоже керамика. Самый вход должен быть по проекту залит морем огня, как ад. Театр-то ведь был кафе-шантан. Модест очень жалел, что не удалось довести до конца смелую и красивую свою затею» (*Виноградов С. А.* О странном журнале, его талантливых сотрудниках и московских пирах // Воспоминания о серебряном веке / Под ред. В. Крейда. М., 1993. С. 430–431). Ср. также запись в дневнике Брюсова: «У [Г.] Бахмана видел Дурнова. Тот излагал проекты нового театра, где сцена будет не впереди, а внизу, и рассказывал, как он будет строить театр Омона (вход – пасть чудовища, лестницы стеклянные, окна во все три этажа, гроупоиг, цвет зданий – синий с белыми фарфоровыми украшениями и т.д.» (*Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 119).

⁹⁹ В 1907 году, спешно распродав свое имущество, Омон скрылся из России и с этого времени следы его теряются; ср.: «Из Москвы исчез г. Омон, которого в этот день усиленно разыскивал суд[ебный] пристав для получения от него подписки о невыезде. Услужливые друзья Омона говорят, что он уехал только на 11 месяцев, сдав на это время помещение г-же Сытовой; в действительности же, Омон еще осенью продал свое имущество Лидвалю и К°, причем сделка совершена на имя клоуна Бома» (Театр и искусство. 1907. № 10. С. 165). См. также: *Сариева Е.А.* Кафешантан Шарля Омона // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 350–371.

¹⁰⁰ Новиков Александр Николаевич (1866 – ?) – архитектор; см. о нем: Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е – 1917 годы). Иллюстрированный биографический словарь. М. 1998. С. 188.

¹⁰¹ Перечислены архитекторы Эктор Гимар (1867–1942), Йозеф Мария Ольбрих (1867–1908) и Чарльз Ренни Макинтош (1868–1928).

дистом их новых архитектурных идей и стал проповедовать «стиль модерн».

На эту тему он прочел несколько докладов в Московском Архитектурном Обществе и вызвал к себе большой интерес со стороны московских зодчих.

Не подлежит сомнению, что М.А. оказал заметное влияние на Ф.И. Шехтеля при постройке им Ярославского вокзала, и дома Рябушинского, на Малой Никитской, в котором сейчас помещается ВОКС¹⁰².

Как художник, М.А. впервые обратил на себя внимание картиной «19-ый век», репродукции с которой одно время широко были распространены в Москве и продавались во всех эстампных магазинах.

Она, вероятно, еще у многих в памяти. Там на фоне Эйфелевой башни были изображены все выдающиеся политические, общественные, литературные и иные деятели 19-го столетия: Гладстон, Бисмарк, Александр II, Толстой, Пушкин, Ницше, Гете и др.¹⁰³

По поводу этой картины находим несколько любопытных строк в дневниках Брюсова.

24-го декабря 1898 г. Вал. Як. пишет: «Был у Дурнова, смотрел картину “19-ый век”; на меня она не произвела впечатления; хорош галстук у Гладстона, хороши брови у Толстого. Больше очаровали меня его маленькие картины: Ночь, Лебеди, Три пальмы, Лесбос, У синего моря»¹⁰⁴.

Однако, через три месяца Брюсов снова возвращается к этому произведению. В записи от 11-го марта 1900 г. мы читаем: «Снимок с картины Дурнова “XIX век” выставлен в художественных магазинах. Ее очень смотрят, я часто даю объяснения»¹⁰⁵.

Нужно полагать, что объяснения были сочувственные, ибо Вал. Як. высоко ценил разнообразные дарования Дурнова.

Вообще, в Дневниках Брюсова нередко упоминается о Дурнове.

Вот, наприм., некоторые записи: «Был на выставке акварелистов; недурно, гладко, все импрессионисты, но нет мысли, Дурнов среди них великое исключение, его “Призраки” очень хороши. Все вновь

¹⁰² Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) с 1925 по 1931 г. располагалось в особняке С. П. Рябушинского, построенном Федором Осиповичем Шехтелем (1859–1926).

¹⁰³ В неподписанном (и запоздавшем на 10 лет) некрологе Дурнову сообщалось, что картина «XIX век» вместе с другим его холстом («Царство водки») была приобретена американским покупателем (Советское искусство. 1938. № 102. 4 августа. С. 4).

¹⁰⁴ Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 74–75.

¹⁰⁵ Там же. С. 100.

им написанное – замечательно, особенно портрет Бальмонта, на высоте, над городом в час луны»¹⁰⁶.

По поводу постановки в Малом театре декадентской пьесы Бобрыкина «Накипь» газетный интервьюер опросил мнения всех московских декадентов, и вот Брюсов в дневнике своем пишет: «лучшее сказано, конечно, Дурновым». И дальше: «Дурнова видел дня через два. Он был в ударе, говорил афоризмы лучше меня и Уайльда, так что я внутренне аплодировал на все его слова»¹⁰⁷.

17-го ноября Вал. Як. записывает: «Был у меня Дурнов. У него все разные недоразумения с художниками. Много говорил о своей теории гениальности: гений не есть степень таланта, а особый дар, по его терминологии “сочетание”, который может достаться каждому. Обычно ценят лишь гений, подкрепленный умом и выдержкой.

Я напомнил ему стих Баратынского: “Глупцы не чужды вдохновенью”»¹⁰⁸.

В апреле 99-го года Брюсов заносит в дневник: «Дурнов уехал, одни говорят в Палестину, другие – к бурам»¹⁰⁹. На самом деле М.А. уезжал в Персию.

Дурнову особенно удавались акварельные портреты: им прекрасно написаны портрет Самарина, Собинова, Востряковой, Отеро и др.¹¹⁰ Из жанровых картин его пользовались большим успехом «Танцовщицы» и «Борцы».

¹⁰⁶ Там же. Портрет Бальмонта работы Дурнова (акварель, гуашь) хранится в ГТГ; воспроизведен: Мир искусства. 1903. № 7/8. С. 15.

¹⁰⁷ Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 109.

¹⁰⁸ Там же. С. 94 (приведено к купюрой).

¹⁰⁹ Там же. С. 101. Запись относится к 1900 г., подразумевается участие в англо-бурской войне. Ср. в письме И. Коневского к Брюсову от 3 мая 1900 г.: «Меня очень впечатляет [sic] поступок отъезда в край буров со стороны М. Дурнова; но желал бы удостовериться, каковы его намерения – воинственные или созерцательные. И в том, и в другом случае его поступок знаменателен» ([Брюсов В.Я.] Переписка с Ив. Коневским / Вступит. статья А.В. Лаврова. Публ. и коммент. А.В. Лаврова, В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса // Литературное наследство. М., 1991. Т. 98. Кн. 1. С. 491).

¹¹⁰ Самарин Сергей Дмитриевич (1865–1929) – выпускник историко-филологического факультета Московского университета, предводитель дворянства Богородского уезда Московской губернии, художник. В его усадьбе Васильевское по проекту Дурнова был построен главный дом и хозяйственные здания (см., кстати, фотографию Дурнова среди членов семейства Самариных: Самарины. Воспоминания родных. М., 2001. Непагинированная вклейка между с. 160 и 161). Портрет С. Д. Самарина экспонировался в 1909–1910 г. (Каталог VII выставки картин Союза русских художников. [М., 1909]. С. 11); портрет Л.В. Собинова работы Дурнова хранится в Санкт-Петербургском Государственном музее театрального и музыкального искусства. Вострякова Мария Васильевна – жена художника; ср.: «Образованная, прекрасная музыкантша Мария Васильевна не могла изжить в себе “купецких черт” – страшной скаредности и старомодной чванливости» (Серпинская Н. Флирт с жизнью. М., 2003. С. 128). В адресных книгах упоминается ее служба в «Московской кассе взаимопомощи невест»; портрет ее кисти мужа воспроизведен: Кривое зеркало. 1909. № 8. С. 3. Отеро Каролина (1868–1965) – французская танцовщица испанского происхождения. Ее портрет работы Дурнова репродуцирован: Кривое

Из перечисленных сюжетов Дурнова нетрудно усмотреть, что его интересовал в искусстве острый и терпкий городской жанр: его привлекали танцы, борьба, работники эстрады, театра и цирковой арены.

Но рядом с ними в его рисунках и набросках мы видим черепа, скелеты, пляску смерти, зловещих птиц и прочие атрибуты символистической поэзии.

Таким же он был и в своих поэтических произведениях. Модест Дурнов принадлежит к числу первых поэтов-декадентов.

Он дебютировал в печати в 1899 г. в сборнике «Книга раздумий», изданном начинающим Брюсовым, а затем печатался в «Северных Цветах», в альманахах «Скорпион» и «Гриф»¹¹¹. Отдельным изданием своих стихов М.А. не издавал, но среди любителей поэзии его произведения ценились высоко.

М.А. начинал свою литературную деятельность вместе с Брюсовым, Бальмонтом и Балтрушайтисом, ныне литовским послом в Москве. Ими посвящено покойному много стихов, и не только отдельных произведений, а целые циклы стихотворений.

Так например, весь поэтический цикл Брюсова под названием «Любимцы веков» посвящен Модесту Дурнову. Бальмонт, посвящая ему одну свою поэму, писал так: «Модесту Дурнову, создававшему поэму из своей жизни»¹¹².

Невольно возникает вопрос: в чем же заключалось то обаяние, которое М.А. внушал окружающим, при том столь большим литературным и художественным силам.

Казалось, что сам он не создал ничего крупного и значительного, ни в области поэзии, ни в сфере живописи и архитектуры. А между тем его мнением крайне дорожили, к оценкам его внимательно прислушивались, отзывы его ловили, повторяли и передавали из уст в уста.

зеркало. 1909. № 8. С. 4; оригинал хранится в РГАЛИ (Ф. 965. Оп. 1. Ед. хр. 17; в каталоге и описи обозначен как «Эро – испанка»).

¹¹¹ В «Книге раздумий» (СПб., 1899) помещено пять стихотворений Дурнова, в альманахе «Гриф» (М., 1904) – еще одно. В «Северных цветах» (по крайней мере, под своей фамилией) Дурнов стихов не печатал, альманахов «Скорпион» не существовало. К этому лапидарному перечню добавим еще его стихотворение, отложившееся в архиве Вяч. Иванова: «В жизни Христа, – / Каждый найдет подражание. / Этот – сама простота; / Тот вон – возжаждал страдания. // Клонится солнечный шар; / Небо – пестрей арлекина; / Ночь разгребает пожар, / Ночь... и... покой... Магдалина! // Свежесть развернутых роз / Благоуханнее меда. / Царская щедрость волос / Прах поглощает... свобода!» (РГБ. Ф. 109. Карт. 18. Ед. хр. 27. Л. 1). Стихотворение датировано 8 сентября 1907 г., к тексту сделана приписка: «Прощайте, у меня нет никаких слов. Я ничего не умею. Модест».

¹¹² Часть коллективного посвящения из книги Бальмонта «Будем как Солнце» (М., 1903).

Сила и значение Дурнова заключались не в творческих возможностях, а в его критическом таланте. По типу своего дарования М.А. принадлежал к числу так называемых арбитров, ценителей и знатоков.

Он был широко художественно образован, эстетически развит, обладал тонким артистическим чутьем, и потому с ним так считались, так можно сказать – носились.

Это был настоящий самородок из народа, дошедший благодаря своему природному инстинкту до понимания вершин европейского искусства.

Шутка сказать: его афоризмы были блестящее Оскара Уайльда.

Кроме того, он умел притягивать к себе таланты, сосредоточить в себе интересы эпохи, тот нерв, который играет и бьется в искусстве в данную минуту.

Во всякую эпоху бывают лица, которые не будучи сами творцами самостоятельных художественных ценностей, являются носителями и распространителями идей и вкуса. В 90-х годах прошлого века таким эстетическим авторитетом в Москве был Модест Дурнов.

После октябрьского переворота М.А. все свои силы отдал революции. Несколько лет он работал в Музейном Отделе МОНО¹¹³, горячо отстаивая значение и интересы сохранения памятников искусства и старины.

В последнее время он сотрудничал в МКХ¹¹⁴ в Земельно-планировочном Отделе, работая над планировкой новой Москвы, главным образом, отдельных площадей.

На обеих своих службах М.А. снискал себе любовь и уважение, был очень ценим как полезный и преданный делу работник.

Умер М.А. 60 лет от эндокардита, развившегося после осложнения гриппа.

Думаю, что в истории московской интеллигенции имя Модеста Дурнова не будет забыто.

¹¹³ Точнее – в Музейном подотделе Московского отдела народного образования.

¹¹⁴ Москоммунхоз, отдел коммунального хозяйства Моссовета.

ГЕОРГИЙ ЯКУЛОВ¹¹⁵

Тяжело произносить мемориальное слово о человеке, унесенном в могилу в расцвете сил, темперамента и творческой энергии.

Таким в периоде яркого духовного горения, в зените своего оригинального, вихревого дарования ушел от нас Георгий Богданович Якулов.

Мне странно называть его Георгием Богдановичем. Я помню его Жоржиком, как, впрочем, Жоржем называла его и вся знавшая его артистическая и художественная Москва.

Несколько обстоятельств дают право мне, лицу, далекому от живописи и художественной критики, говорить о Якулове.

Прежде всего, мы были с ним соотечественники, что называется компатриоты. Затем были однокашниками, хотя он был и моложе меня¹¹⁶. И наконец: где мне уже приходилось оставаться пассивным, я очень любил его красивый, такой [слово пропущено], такой динамичный талант, весь его своеобразный, какой-то бунтарский, несколько эксцентричный артистический облик.

Поэтому я и позволю себе поделиться с вами несколькими личными воспоминаниями о покойном.

Три фактора влияли на оформление художественной индивидуальности Якулова: его родина Тифлис, его семья и гимназия.

Тифлис – прекрасная столица Грузии, один из живописнейших городов Союза, раскинулся на рубеже Европейской и Азиатской культуры. Он исстари славился своей театральностью.

Из мемуаров Соллогуба¹¹⁷, из воспоминаний Амфитеатрова¹¹⁸, из рассказов А.А. Яблочкиной¹¹⁹ вырисовывается та интересная кипучая артистическая жизнь, которая билась в Тифлисе.

¹¹⁵ Печатается по авторской машинописи: РГБ. Ф, 561. Карт. 3. Ед. хр. 9. Рукопись сильно повреждена, из-за чего некоторые фрагменты текста утрачены. Впервые Кара-Мурза писал о Якулове в заметке «Армяне в искусстве» (Армянский сборник. Второе издание. М., [1916]. С. 229–231).

¹¹⁶ Ср. в воспоминаниях Кара-Мурзы о школьном журнале: «Моей тогдашней гимназической редакции мог бы позавидовать любой печатный еженедельник. В нем печатали свои стихотворения такие будущие поэты, как Лев Зилов, Павел Сухотин, помещали свои рисунки ученики Якулов и Судейкин» (*Кара-Мурза С. Г.* Русское общество друзей книги. М., 2011. С. 83).

¹¹⁷ Имеется в виду издание: Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб., 1887. С. 226–245.

¹¹⁸ Не вполне понятно, какой из текстов Амфитеатрова имеется в виду: существенная часть его книг включает в себя мемуарный элемент, а Тифлис (в котором он жил в 1888–1890 гг.) он упоминает довольно часто.

¹¹⁹ В Тифлисе прошло детство и состоялся театральный дебют Александры Александровны Яблочкиной (1866–1964), см.: *Яблочкина А.* 75 лет в театре. М., 1977. С. 62. Ве-

Уже в пятидесятых годах прошлого столетия там подвизалась первоклассная итальянская опера, играла отличная русская драма.

Из Тифлиса в Москву привезли свою любовь к театру, свое искусство такие деятели как А.И. Южин, В.И. Немирович-Данченко, Ф.А. Корш.

Теперь к этим именам присоединяется и имя Якулова.

Жоржик недолго оставался в Тифлисе, он провел там лишь раннее детство до десятилетнего возраста: но город способствовал образованию и развитию художественных вкусов его родителей, порождая культурное настроение и артистические запросы в его семье, и через нее влиял на будущего художника.

Отец Якулова – известный в Тифлисе и популярный по всему Закавказью адвокат¹²⁰. Он умер молодым и Жоржик его совсем не знал.

Вся тяжесть воспитания легла на мать, женщину необычайной энергии и воли, выдающегося ума и тонкого художественного вкуса.

По собственному признанию покойного, он очень многим был обязан ей.

Несмотря на все материальные лишения, мать ежедневно занималась с детьми пением, рисованием и чтением.

И есть много общего в чертах характера и методов воспитания трех выдающихся тифлисских женщин (трогательных матерей): Варвары Ивановны Сумбатовой, Александры Каспаровны Немирович-Данченко и Сусанны Артемьевны Якуловой¹²¹.

И вот почему все члены семьи Якуловых представляют собой недюжинные индивидуальности; в этой семье мы видим отличных юристов, популярных ораторов, музыканта, скульптора и химика-изобретателя¹²².

К сожалению, их известность остается лишь в пределах московской общественности и только одному из них суждено было высоко вознести фамилию Якулова и вписать ее в историю искусства большого масштаба.

В 1893 году семья Якуловых из Тифлиса переехала в Москву, и я хорошо помню, когда Жоржика десятилетним мальчиком привели

роятно, имеются в виду ее устные рассказы, поскольку ее печатные автобиографические выступления начались уже в 1930-е годы.

¹²⁰ Немногочисленные сведения о Богдане Галустовиче Якулове (Якуляне; ок 1843 – 1884/1885) см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. Ереван, 1971. С. 31–33.

¹²¹ Варвара Ивановна Сумбатова (урожд. Недзвецкая; 1836–1902) – мать артиста А.И. Сумбатова-Южина; Александра Каспаровна Немирович-Данченко (урожд. Ягубян; 1829–1914) – мать Владимира Ивановича и Василия Ивановича Немировичей-Данченко; Сусанна Артемьевна Якулова (урожд. Кананова; 1852–1934) – мать Якулова.

¹²² За исключением юристов (о которых см. ниже) остальные члены семьи для нас неопознаваемы.

в пансион Лазаревского Института Восточных Языков, где уже воспитывались два его старших брата¹²³.

Смуглое лицо мальчика с черными как угольки глазами сразу привлекло к себе внимание воспитанников.

Жоржик недолго заставил себя ждать и скоро стал запанибрата с товарищами, проявляя широкую инициативу во всех играх, выдумках и озорствах.

Едва ли чьи-либо глаза так часто описывались в литературе, как глаза Якулова. «Якулов брюнет с выразительными глазами, чертами азиата-метиса», – писал французский сенатор Де-Монзи¹²⁴. «Чуть шафранное лицо Якулова и две жирных маслины многовидящих глаз», – читаем у Бориса Глубоковского¹²⁵.

Лазаревский институт, несомненно, оказал на Жоржика большое влияние и сильно способствовал оформлению в нем художника.

В институте постоянно жили, и были очень крепки и устойчивы всякого рода театральные и художественные традиции.

Достаточно сказать, что в нем провели свои гимназические годы такие театральные деятели как Станиславский и Корш, литераторы Веселовский и Эфрос, драматурги – Антропов и Сухотин, актеры – Адашев и Асланов, поэты Липскеров и Зилов, балетрист Лидин, художник Судейкин и много других¹²⁶.

Вольный дух в нашей гимназии был театрално-артистический. Ежегодно давали по несколько ученических спектаклей. Ф.А. Корш щедро присылал нам на свои утреники бесплатные билеты. И вся

¹²³ Якулов Яков Богданович (1875–1933) – адвокат; о нем см.: *Костицын В.* Мое утраченное счастье... Воспоминания, дневники. М., 2017. Т. II. С. 408 (справка В.Л. Гениса) и Якулов Александр Богданович (? – 1937 или 1938) – присяжный поверенный; год смерти устанавливается по дневниковой записи Е.Е. Лансере (*Лансере Е.* Дневники. Книга третья. Художник и государство. М., 2009. С. 328); третий брат, Якулов Артемий Богданович – физик.

¹²⁴ Монзи Анатолю де (1876–1947) – французский дипломат, побывавший в Москве в августе 1923 г. и посетивший, среди прочего, мастерскую Якулова. Цитата взята из его книги с рассказом о путешествии: *De Monzie. Du Kremlin au Luxembourg.* Paris, 1924. P. 124. Годом позже был выпущен русский перевод (*Монзи А.* В Россию и обратно. (От Кремля до Люксембургского дворца) / Пер. с франц. С. О. Цедербаум, с предисл. проф. Е. Энгеля. Л.; М., 1925. Оп. 1. Ед. хр. 3); который Кара-Мурза ниже упрекает в неточности.

¹²⁵ *Глубоковский Б.* Повесть о Георгии Якулове в 5 главах // Мастерство театра. 1922. № 1. С. 78.

¹²⁶ Перечислены: Константин Сергеевич Станиславский (наст. фам. Алексеев; 1863–1938); Федор Адамович Корш (1852–1923); Юрий Алексеевич Веселовский (1872–1919); Абрам Маркович Эфрос (1888–1954); Роман Лукич Антропов (1876? – 1913); Павел Сергеевич Сухотин (1884–1935; не включавшиеся в его биографию сведения об обучении в Лазаревском институте верифицируются выпиской о сдаче экзамена на аттестат зрелости, см.: РГАЛИ. Ф. 1709. Оп. 1. Ед. хр. 3); Константин Абрамович Липскеров (1889–1954); Лев Николаевич Зилов (1883–1937); Владимир Германович Лидин (1894–1979); Сергей Юрьевич Судейкин (1882–1946).

эта атмосфера не могла не влиять на живую восприимчивость и впечатлительный ум юного экспансивного кавказца.

Первый, кто угадал в Якулове будущего живописца, был наш учитель рисования небезызвестный Ник. Ник. Богатов¹²⁷.

Не надо было быть большим прозорливцем, чтобы предвидеть, что Якулов недолго останется в институте и уйдет в искусство. Он дружил с Судейкиным и они вместе мечтали о карьере художника.

И действительно, с шестого класса Жоржик бросил гимназию и перешел в училище живописи, ваяния и зодчества. Это было в 1900 году, когда ему минуло 17 лет.

Здесь он оставался также недолго, кажется, года два, и был исключен из школы за несдачу зачетов¹²⁸.

Тут я потерял его из виду; он на несколько лет был оторван от Москвы, отбывал военную службу на Кавказе, а затем попал в действующую армию на Дальний восток.

Мы встретились с ним уже в 1906 году после заключения мира с Японией.

Он показал мне свои «Скачки» и «Толпу»¹²⁹ и долго объяснял мне про эти [картины], написанные в принципах китайской графики и японской живописи.

Признаюсь, я мало понимал и плохо верил в то, что он мне толковал, но он говорил так горячо и с таким воодушевлением, что невольно заражал вас пылкостью своего увлечения.

Мне же просто нравились красные тона его скачек и тот порывистый вихрь, который давал движение множеству лошадиных ног, и я готов был простить Жоржу всю мудреность его комментария.

Особенно я любил один его интерьер, где в вихре красного цвета рдели розоватые отсветы стекол и сверкали глубоким блеском ромбы паркета.

Он напоминал мне вещи Уистлера, его живописные симфонии.

Вскоре «Скачки» появились на выставке¹³⁰ и на страницах «Весов»¹³¹.

Через несколько лет Жоржик впервые уехал за границу и вернулся оттуда европейцем.

¹²⁷ Кара-Мурза путает отчество Николая Алексеевича Богатова (1854–1935).

¹²⁸ В действительности – за пропуск занятий, см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. С. 35.

¹²⁹ Обе картины ныне находятся в ГТГ.

¹³⁰ «Скачки» экспонировались в 1906 г. на выставке «Московского товарищества художников» (Аладжалов С. И. Георгий Якулов. С. 37–38).

¹³¹ Картина (под названием «На скачках») репродуцирована: *Весы*. 1908. № 6. С. 45.

Он проповедовал последнее слово французского искусства: симультанализм.

Якулов познакомился и подружился в Париже с двумя родоначальниками этой школы – Сандраром и Делоне – и со свойственным ему энтузиазмом говорил об их учении¹³².

Симультанализм опирается на современность, но в отличие от футуризма ищет в ней ее психологические начала, внутренние голоса души.

Он вводит одухотворенное движение слова и цвета, совместную [пропущено слово] и краски и от этого возникает контраст, создающий глубину.

Жоржик говорил о симультанализме с той же экспрессией, с такой же убежденной горячностью, с какой после Манчжурии рассказывал об азиатской сюжетности и японской фантастике.

После возвращения из-за границы – короткий светский период жизни Жоржика, он становится модным художником, посещает «Общество свободной эстетики»¹³³, приглашается в самые рафинированные салоны Москвы: к Лосевым, Носовым, Гиршман, к Рябушинским¹³⁴ и в другие дома. Недаром писал один светский хроникер того времени: «У Якулова плечи, которые так ловко держат жакет, порывистость движения, острые как пикули слова»¹³⁵. Портретные штрихи несомненно удачны и особенно последнее наблюдение «острые и едкие слова».

Надев на себя салонный костюм московского денди – по существу Жоржик оставался непримиримым противником буржуазного благополучия: внутренне он ненавидел мещанское самодовольство и купеческую сытость и на самых изысканных вечерах [шоки]ровал

¹³² Ср.: «Среди живописцев у нас нашелся единомышленник в лице Якулова, незадолго перед тем приехавшего из Парижа, где Делоне на лету перехватил у него идею одновременной совместности – ядро симультанэ. [...] Вообще одновременность такого восприятия следовало признать довольно относительной. Нам, поэтам, ломать копыя тут было не из-за чего. Но Якулов не мог спокойно слышать о симультанэ и надсаживал себе глотку, крича, что Делоне ограбил его, так как он, Якулов, первый своим “вращающимся солнечным диском” показал, каким образом можно достигнуть единства впечатления путем единства технических средств» (Лившиц Б. Полутораглазый стрелец / Сост. Е.К. Лившиц и П.М. Нерлера. Подготовка текста П.М. Нерлера и А.Е. Парниса. Примеч. П.М. Нерлера, А.Е. Парниса и Е.Ф. Ковтуна. Л., 1989. С. 467–468, см. также с. 677 – 678). В Париж Якулов ездил в 1913 г. (см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. С. 46–47).

¹³³ Московское литературно-художественное общество (1907–1917).

¹³⁴ Перечислены салоны московских меценатов – Евдокии Ивановны Лосевой (урожд. Чижовой, 1881–1936); Евфимии Павловны Носовой (урожд. Рябушинской; 1883–1977); Владимира Осиповича Гиршмана (1867–1936), кстати – казначея упомянутой выше «Свободной эстетики», и его жены Генриетты Леопольдовны Гиршман (урожд. Лион; 1885–1970); Николая Павловича Рябушинского (1877–1951).

¹³⁵ Слова цитировавшегося выше Б. Глубоковского: *Глубоковский Б.* Повесть о Георгии Якулове в 5 главах // *Мастерство театра.* 1922. № 1. С. 78–79.

хозяев и гостей своими вызывающими замечаниями и дерзостью суждения. А на следующий день после вечера в обществе Сапунова¹³⁶, Судейкина и других где-нибудь в кафе или в кабачке отводил душу в уничтожающих издевательствах над своими вчерашними собеседниками и партнерами. За стаканом вина Жоржик был незаменим, неистощим на рассказы, на остроумные сравнения, броские афоризмы, в присутствии друзей он чувствовал себя радостным и свободным, сыпал занятные парадоксы, меткие эпитеты, убийственные характеристики. Было наслаждением присутствовать при том словесном поединке, какой он затевал иногда, например, с Сапуновым или Александром Кожебаткиным¹³⁷.

Одно время Якулов был таким же баловнем московской художественной богемы, каким позже стал Есенин для богемы литературной.

Жоржик был не только отличным собеседником в небольшом обществе, но прекрасно говорил и с эстрады. На излюбленных в последнее время театральных и художественных диспутах и судах он с большим успехом выступал то в роли защитника, то на ампула прокурора, но никогда в роли председателя или эксперта, ибо основная стихия Якулова была страстность и запальчивость, полемика, борьба и протест. Объективность и бесстрашие не были в числе его добродетелей. Бунтарство вообще является одной из самых характерных черт всей семьи Якуловых. Когда-нибудь московский мемуарист уделит немало страниц этой семье, в летописи которой есть и вызовы на дуэль председателей суда и звонкие пощечины бесчестным педагогам и много других проявлений независимости и личного достоинства¹³⁸.

Поэтому, когда два года тому назад из Парижа пришло сообщение о том, что Жоржик нанес оскорбление действием известному Пикассо и что французский суд привлек Якулова к дисциплинарному взысканию, я нисколько не был удивлен¹³⁹.

Правда, в действительности оказалось, что до пощечины дело не дошло и что Жоржик лишь словесно отхлестал зарвавшегося французского кубиста.

¹³⁶ Николай Николаевич Сапунов (1880–1912) – художник.

¹³⁷ Кожебаткин Александр Мелетьевич (1884–1942) – издатель и библиофил.

¹³⁸ По семейному преданию, Я.Б. Якулов, защищая в суде юного М.В. Фрунзе, вызвал на дуэль председателя суда, обвинив его в несправедливом ведении дела (см.: *Зурбян Т.* Волны счастья. Ереван, 1981. С. 140).

¹³⁹ Эта история не подтверждается; ср., например, подробные воспоминания А.Б. Никритиной о совместном визите Ларионова, Мариенгофа, Никритиной, Якулова и Шиф в мастерскую Пикассо: «Якулов все приглашал Пикассо в Ереван (он армянин), и все кричал своим гортанным голосом: – Есть только два города – Париж и Ереван! [...] Ушли от Пикассо довольные, счастливые» (цит. по: *Максеев Г.* Новое об имажинистах // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2004. М., 2006. С. 227). Ср., кстати, апологетическую по тону заметку: *Якулов Г.* Пикассо // Огонек. 1926. № 20. С. 8.

Якулов ездил в Париж, как известно, ставить у Дягилева балет Прокофьева «Стальной скок»¹⁴⁰.

Постановка Жоржа имела шумный успех у парижан и вызвала большие толки.

Во время одной из бесед Пикассо позволил себе бестактные нападки на советскую культуру, но был немедленно осажен Якуловым.

В нашей прессе успех Якулова в «Стальном скоке» не нашел достаточного отражения и оценки.

И невольно вспоминаются остроумные строки, написанные в 1922 году уже цитированным Глубоковским: «Странно сказать, но официальная печать мало отметила творчество Якулова. Должно быть потому, что наши присяжные критики очень схожи с Дидротовой кухаркой. Последняя, как известно, узнала, что ее господин великий человек только после его смерти. Что ж! Твердо уверен, что Якулов не скоро доставит Дидротовым кухаркам радость своего признания»¹⁴¹.

Увы, автор этих строк просчитался; не прошло и шести лет, как Якулова не стало.

В 1917 году Якулов декорировал кафе Питтореск на Кузнецком мосту в доме Сенгали, где сейчас помещается Текстильторг.

Хозяином этого предприятия был один из московских чудаков и оригиналов, миллионер, поэт и анархист-булочник Николай Дмитриевич Филиппов¹⁴².

Он торговал калачами и издавал анархический журнал «Клич» под редакцией профессора Борового¹⁴³.

Его же перу принадлежит небезызвестная роскошно изданная анонимная книга стихов «Мой дар»¹⁴⁴.

Филиппов предоставил Якулову полную свободу действий, дал ему, как говорится «белую карту».

¹⁴⁰ О постановке см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. С. 188–197; *Бадалян В. Георгий Якулов.* Ереван, 2010. С. 36–37. Сам Якулов посвятил отдельную статью своей работе: *Якулов Г.* «Стальной скок» Сергея Прокофьева // Рабис. 1928. № 25. С. 5.

¹⁴¹ *Глубоковский Б.* Повесть о Георгии Якулове в 5 главах // Мастерство театра. 1923. № 1. С. 79.

¹⁴² Кафе «Питтореск» (Кузнецкий мост, д. 5) было открыто 30 января 1918 г. в помещении бывшего магазина «Сен-Галли» на деньги Николая Дмитриевича Филиппова (1874–после 1924) при участии Д.Д. Бурлюка и В.В. Каменского. В архиве Кара-Мурзы отложено несколько газетных вырезок, посвященных Филиппову (РГБ. Ф. 561. Карг. 51. Ед. хр. 29). О дизайне «Питтореска» см.: *Бадалян В.* Георгий Якулов. С. 22–24.

¹⁴³ Журнал «Клич» выходил в Москве в 1917 г. (№№ 1–4); издателем его значится Н.В. Петров, редактором А.А. Боровой; никаких следов участия Н.Д. Филиппова в самом журнале не находится.

¹⁴⁴ М., 1918 (издана без указания автора).

И Жоржик создал декоративную композицию, которая привела в восторг всех московских конструктивистов.

Бодлэр в одном месте своего дневника говорит: «В театре больше всего люблю... люстру»¹⁴⁵.

И Якулов главное внимание обратил на эту принадлежность зала.

Он дал необыкновенно причудливую конструкцию контуров, света, блеска, огня, отражения и самоцветных красок.

Это был вихрь на зыбком, ломаном, но едином стержне пропеллера.

Жоржик любил эту люстру, как воплощение своей мечты, как продукт настоящего творческого вдохновения. В ней бился пульс сегодняшнего дня, играл подлинно урбанистический нерв.

Я помню день открытия «Питtoresка» в январе 1918 года.

Это было нечто вроде вернисажа зимнего сезона или премьеры спектакля.

Жорж чувствовал себя именинником, а Филиппов благоговейно смотрел ему в рот и ловил каждое его слово, каждый его жест.

В публике были Ал. Толстой, Эренбург, Маяковский, Вас. Каменский, Андрей Соболев и много других литераторов и артистов.

Маяковский произнес приветственную речь Якулову, а в центре всего внимания была конструктивистская люстра.

В ноябре 1918 г. в помещении Питtoresка была отпразднована первая годовщина октябрьской революции, после чего кафе, а вместе с ним и люстра были ликвидированы¹⁴⁶.

Я вспоминаю Якулова и в редакции журнала «Клич» на Воздвиженке, т.е. попросту в гостино у Н.Д. Филиппова, все стены которой были увешаны картинами¹⁴⁷.

Здесь бывали Хлебников, Василий Каменский и др.

Якулов проходил между рядами сомнительных [пропуск], поддельных Коро, фальшивых Боровиковских, но зато явно подлинных Бо[да]ревских, Дубовских и Богданово-Бельских и громил безвкусию и невежество собирателя.

А Филиппов с немой покорностью принимал его приговоры.

Дом Якуловых в Москве отличался всегда своим гостеприимством и культурностью.

¹⁴⁵ «Мое мнение о театре. Всегда и в детстве и теперь мне казалось самым прекрасным – люстра, этот чудный, светлый, кристаллический, сложный, круглый и симметрический предмет» (*Бодлэр Ш. Мое обнаженное сердце*. Пер. Эллис. М., 1907. С. 6).

¹⁴⁶ Место кафе «Питtoresк» занял (после 7 ноября 1918 г.) клуб-мастерская «Красный петух», организованный Театральным отделом Наркомпроса (см.: *Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников*. Библиография. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 1. М., 2006. С. 287).

¹⁴⁷ Московский адрес Н. Д. Филиппова: Воздвиженка, 9.

Женившись и поселившись отдельно, Жоржик продолжал традиции своей семьи¹⁴⁸. Его дом был открыт не только для всех московских деятелей искусства, но и для приезжих иностранцев.

И Де-Монзи и Дюамель и Фермен-Жемье и все другие знатные европейцы, посетившие Москву в эти годы, были неизменными гостями Якулова и его студии на Садовой¹⁴⁹.

Сенатор Де-Монзи очень живо описал свой визит к Жоржику в известной книге «В Россию и обратно: от Кремля до Люксембургского дворца».

Со свойственной французским дипломатам талантливостью глава о Якулове написана блестяще и я не могу отказать себе в удовольствии привести оттуда несколько отрывков. «Полночь. Я обещал ужинать у художника Якулова, которому был представлен. Мне любопытно узнать, как живет художник, переживший революцию под властью Луначарского, как живет Дюжарден-Бомец 3-го Интернационала»¹⁵⁰.

Необходимо указать, между прочим, что это место переведено по-русски с извращением смысла. Дюжарден-Бомецом, который, как известно, был не художником, а министром изящных искусств, автор называет Луначарского, а не Якулова¹⁵¹. А переводчик присвоил это сравнение Жоржику.

Однако продолжаю цитату:

«Якулов, как и Кончаловский, является одним из фаворитов режима, занимает квартиру № 38, в доме № 10 по Большой Садовой – караван-сарай в жанре Монпарнасского бульвара.

Ателье, превращенное в жилище: кровать, установленная на эстраде, а внизу скамья и стол, изображающие салон: обстановка живописца-подмастерья.

Якулов объездил весь мир, увлекался недолго Веронезе, три месяца жил в 1913 году в Париже, бессистемно обучался вместе с Робертом Делоне.

¹⁴⁸ Якулов женился в начале 1920-х годов на Наталье Юльевне Шиф (вар. Шифф, по др. версии Вермель; 1889–1974). Из череды ее выразительных портретов приводим один: «Она некрасивая была, но сложена великолепно. Рыжая и вся в веснушках. Когда она шла или там на машине подъезжала, за ней всегда толпа мужчин. Она ходила голая... одевала платье прямо на голое тело или пальто, и шляпа громадная. И всегда от нее струя очень хороших духов. Просыпается: “Жорж, идите за водкой!”. Выпивала стакан и начинался день» (*Париши Л.* Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М., 1991. С. 103; реплика Т.Н. Лаппы (Булгаковой, Кисельгофф).

¹⁴⁹ Прозаик Жорж Дюамель (1884–1966) путешествовал по СССР летом 1927 г.; актер Жемье Фермен (1869–1933) принимал участие в московских театральных проектах весной 1928 г.

¹⁵⁰ *Монзи А.* В Россию и обратно. (От Кремля до Люксембургского дворца). С. 105.

¹⁵¹ Анри Шарль Дюжарден-Бомец (1852–1913) – министр изящных искусств – все-таки был художником, но, несмотря на это, упреки Кара-Мурзы основательны: в оригинале автор титулуется так именно Луначарского (*De Monzie. Du Kremlin au Luxembourg.* Paris, 1924. P. 123).

Рисует он без руководителя, без модели, без критического удержу, под действием душевного порыва. Он не испытал никаких влияний, кроме буйного колорита своих странствий и барельефов византийского искусства.

В своеобразных выражениях разъясняет он формулу, которой руководствуется. “Живопись это лирическая химия”. В сущности он повторяет слова Шардена: “Пользуются красками, а рисуют чувствами”. Перед лицом окружающего человечества, обуреваемого пляской святого Витта, Якулов пытается вскрыть ритм, стиль, линии этой нервической жизни. Принадлежа к художникам движения – но движения лихорадочного, осатанелого, он от революции получил тягу к широким композициям и общечеловеческим синтезам.

Для красного очерка персонажи Якулова достаточно хорошо очерчены, расположены и одеты.

– Якулов, чем вы в сущности обязаны революции?

– Прежде всего своим хлебом насущным.

– Но затем: какими идеями, мечтами, новым вдохновением?

Якулов колеблется. – Я открыл толпу, ее эстетизм, ее ритм, законы ее движения. Раньше я не видел толпы. Я видел только сборища, более или менее многочисленные, но не спаянные единством...

Подобно тому как Жанбатист Тьеполо, который проектировал нарисовать на стенах дворца Лаббиа всю историю и всех действующих лиц вселенной, так и мой Якулов влюблен в миф о всеобщем единстве, об этом “монизме”, который является философией всех революций: его томит предчувствие грандиозных фресок, на которых он изобразит шумную встречу миротворенных людей.

К ужину было приглашено несколько друзей, цыганская певица и толстая русская дама, знающая старые крестьянские песни. Музыка вперемешку с куплетами. Прислуга, которая обслуживала за столом, остается тут же и, упирая руки в бока, слушает концерт – таков обычай этого дома.

Степенная фамильярность связывает между собой гостей.

На этот раз мы, как настоящие русские, возвращаемся на Софийскую набережную на рассвете»¹⁵².

Вскоре после того, как книга Де-Монзи появилась в русском переводе, я встретил Жоржика и спросил его: как нравится то, что о тебе написал Де-Монзи? – Он откинул голову, поднял плечи, своим обычным жестом отбросил руку и сказал только одну, но уничтожающую фразу: «Знаешь, это то же самое, что один французский путеше-

¹⁵² Монзи А. В Россию и обратно. (От Кремля до Люксембургского дворца). С. 105–108 (с пропусками и искажениями).

ственник 17 века писал о России “Иван Грозный был прозван за свою жестокость Васильевичем”»¹⁵³.

Режиссер Сахновский в своей красивой речи о Якулове сделал из Жоржика Гофманский тип: «Когда по занесенной снегом Москве, – говорил он, – в голодные годы, по уличным сугробам, мимо нетопленных домов, в холодном [пропуск слова] без галош, в пестрой кепке, из-под которой чернели его блестящие [пропуск фрагмента] театра, – это был образ из Гофмана. Он сталкивал так зрительный зал со сценой, производил взрыв и ему было весело. И он радостный возвращался в ночь, по занесенным сугробами переулкам, мимо холодных особняков»¹⁵⁴.

Образ несомненно красивый и динамический, но не верный.

Он относится к той эпохе, когда нас посетил Уэллс и написал свою книгу «Россия во мгле», когда не шли трамваи, на улицах не было электричества, дворники отсутствовали и снег не убирался¹⁵⁵.

Но скоро побежали трамваи и понеслись автобусы, загорелись вольтовы дуги и отогрелись особняки, задымились снеготопки и исчезли Гофманские наваждения. Снежная маска, надетая на Якулова, растаяла.

Гофманский тип трагичен по существу – в Жорже не было трагизма.

В нем была жизнерадостность, веселый бунт, изящный скепсис, красивое безверие.

А главное: страсть к движению, к [динамике?] и к фанатизму и ненависть к застою, к статике и к болоту.

Он носился из Эривани в Париж, из Берлина в Баку.

Сквозь все его стремления к инвенции красной нитью проходит основная линия его творчества, главная цель его жизни: сочетать в своем искусстве родину физическую с родиной духовной, связать восток с западом, влить в европейский стиль струю ориентализма и привить достижения Франции и Италии мастерству и вдохновению своей страны.

И следует признать что, невзирая на свою короткую жизнь, он в этом направлении многого достиг.

Свой жизненный и творческий путь Якулов прошел без трагических надрывов, минуя Гофманские изломы – легко и беспечно.

¹⁵³ Бродячая апокрифическая цитата, известная уже в начале XX века (ср. упоминание ее у Кузмина: Кузмин М. Проза и эссенстика. М., 2000. Т. 3. С. 573) и поочередно приписываемая то словарию Lagousse, то А. Дюма-отцу, а иногда – «одной французской исторической брошюре» (Ренников А. Клюквенный квас // Возрождение. 1956. № 54. С. 97).

¹⁵⁴ Василий Григорьевич Сахновский (1886–1945). Обширные воспоминания о его работе с Якуловым помещены в книге: Сахновский В.Н. Работа режиссера. М.; Л., 1937. С. 148–161, но приведенной цитаты там нет.

¹⁵⁵ Книга Герберта Уэллса «Россия во мгле» («Russia in the Shadows») рассказывает о поездке, совершенной в 1920 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. Г. Лидин

ВТОРНИК У КАРА-МУРЗЫ¹

Драматическое представление в одном действии.

А ф и ш а :

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, хозяин литературного салона. Мария Алексеевна, его жена²; гостей всех считает талантливыми.

Жоржик, Андрюша³ – их дети.

Граф Толстой, Алексей Николаевич, собиратель трубок.

Наталья Васильевна⁴, его жена. Поэтесса. Скромна, молчалива. Любит детей, мужа, даже в пьяном виде, собак, нищих, поэтесс и др.

Эренбург Илья. Личность темная, российская. Из-за любви к России не моется и не стрижется. В Париже был под надзором как полиции, так и темных элементов столицы. Существует стихами и тем, что бросают, спасаясь, солдаты при встрече с ним по ночам. Жителями Арбата избран в церковные старосты церкви Бориса и Глеба в память чудесного очищения местности от шаек грабителей. Среди громил популярен как переводчик Франсуа Вийона⁵.

Новиков, Иван Алексеевич. Славянофил. Друг Аксакова и Вячеслава Иванова⁶.

Ольга Максимилиановна, его жена⁷. Делает вид, что пьет чай с вареньем, но на самом деле все замечает. В отличие от жены Толстого стихов не пишет и поэтесс не любит.

Соболь Андрей, Соболев Юрий⁸ – Молодые люди цвета хаки. Оба наирают на свою бывшую близость к влиятельным военным сферам. Очень похожи друг на друга, так что окружающие часто их смешивают. Во время чтения поднимают грязню. В остальное вре-

мя кричат, бегают в задние комнаты, просят слова и упрекают друг друга.

Журин, пишет стихи. Дом на Пресне⁹.

Янтарева Ефим. Хлебосол. Представитель старой дворянской Москвы. Потомок генералиссимуса Янтарева-Задунайского¹⁰. Из всех напитков предпочитает водку. С женщинами холоден и пренебрежителен, что создает ему славу сноба. Посещает Кружок исключительно потому, что Дворянский клуб закрыт. Любит стерлядку кольчиком. Друг Леонида Андреева, Спиро¹¹ и других русских писателей.

Инбер Вера. Поэтесса. Шесть городов юга спорят о праве именоваться ее родиной. В виду гражданской войны и разобранных путей вопрос остается не решенным.

Матусевич Иосиф (Осип); он же Мавич, Мава и Бом¹². Драматург. Лев литературных салонов. При виде красивых женщин впадает в беспамятство и становится опасен. Смел и ревнив.

Орлов, капитан Копейкин¹³. Медного цвета. Лыс. Любит, чтобы по ошибке его называли полковником. Не пьет и не выносит карт и женского общества. Пишет роман из великосветской румынской жизни.

Никандров¹⁴, матрос.

Гости, прислуга, Монозон¹⁵ и проч.

Действие происходит в Москве в 20-х годах сего века.

(Гостиная Кара-Мурзы. В глубине обед. Двери в детскую открыты. Жоржик и Андрюша у стола.)

Жоржик (*задумчиво*): Когда я вырасту большой, я куплю автограф Веры Инбер.

Андрюша: Не мешай. (*Пауза.*)

Жоржик: А кто известнее: Янтарева или Софья Заречная¹⁶?

Андрюша: Конечно, Янтарева. Он всем писателям говорит ты.

Жоржик (*грустно*): В прошлый раз во вторник съели все печенье.

Андрюша: И опять съедят.

Жоржик: Может быть, они думают, что если всего не съедят – мама обидится?

Андрюша: Всегда много едят. Закрой дверь.

(Входят гости из столовой после обеда.)

Мария Алексеевна: Пожалуйте, господа. Сейчас подадут кофе.

Соболь (*Соболеву*): Я остался голоден.

Матусевич: А я спрятал немного хлеба на ужин в Кружке.

Никандров (*подходит*): Да, здорово, брат. Хлеба главное вволю.

Соболев: Положим, осетрина была с душиком... (*Соболю*) Ты за-
мель, мне всегда фатально не везет: даю статью – закрывают газету,
не даю статьи – попадается рыба с душиком.

Соболь: Не кричи на меня. (*Грызня.*)

Инбер (*Орлову*): Я люблю порок и запах любви.

Орлов: Букарешти.

Инбер: Что он сказал? Что он говорит?

Толстой: Это ничего, он всегда такой. Контуженный человек.

Инбер: Как странно. Когда мы пили коньяк, он казался мне та-
ким чутким, даже немного интеллигентным.

Толстой: Удивительно чуткий человек. Никогда в гостях больше
бутылки не пьет.

Инбер (*указывая на Мавича*): А это кто?

Толстой: Мавич. Драматург.

Инбер: Я бы хотела видеть его голым. У него наверное чудное
тело.

Толстой: Замечательное тело. Намедни в Сандуновских банях
банщик оторваться не мог, все тер мочалкой.

Инбер: Ах, как чудно. Пойдите сюда, сядьте ближе, совсем
близко. У вас порочные губы. Я хочу прочитать вам стихи.

Соболев: Андрей, на минутку. (*Шепчет.*)

Соболь: Я знаю где. Идем. (*Уходят.*)

Орлов: Филиппеску.

Толстой: Миша, ты настоящий румын.

Мавич: Когда же, когда же, когда же?

Инбер: Может быть, завтра. Медвежонок. Уселся и сопит. Какой
чудный. Не целуйте же мне рук. Вы южанин? Вы любите икру из
баклажан? А кефаль?

Мавич: Я напишу про вас драму.

Инбер: Да, моя жизнь драма. Вы знаете, мной однажды увлекся
абиссинец в Порт-Саиде. Но он скоро стал мне противен, как мерт-
вый попугай. Я его бросила.

Мавич: Не бросайте меня.

Толстой: Миша, сиди прямо. Насвистался, как свинья.

Новиков: Олечка, нам не пора?

Ольга Максимилиановна: Который час?

Новиков: Девятый.

О. М.: Конечно, пора. Вы забыли, что Пречистенка не освещается.

Новиков: Еще будет чай.

О. М.: Тогда подождем.

Мария Алексеевна: Господа, просим Илью Григорьевича прочесть стихи.

(Все: *Просим. Просим.*)

Никандров (*Соболю*): А чай с сахаром дают? Да, жизнь. Подожди, напишу пьесу, тоже чай буду устраивать. С баранками, брат, из белой муки.

Эренбург (*читает*):

Россия, Россия, Россия.

Ишь, раскидалась, голенькая.

А Антип как хватит топором да обухом.

Матерь Пречистая. И девки смрадные пляшут.

О русской земле, русских полях, прапорщик,
который жевал сухую корочку, такую черствую,

Миром Господу помолимся¹⁷.

Мария Алексеевна: Какой талант. Сережа, какой талант!

Сергей Георгиевич: Замечательно.

Орлов: Хочу к румынам.

Толстой. Еще что выдумал. Сиди прямо.

Никандров (*Соболю*) А горничной на чай давать? Или тут на процентах?

Соболев: Господа, чаю не будет. Идем домой. Не везет прямо фатально. Вчера на заседании домового комитета обнаруживаю на груди вот такое чернильное пятно.

Соболь: Сам виноват. Не надо было давать фельетона.

Соболев: Что же, я его грудью писал? Это даже глупо, прости пожалуйста (*грозно*).

(*Все начинают прощаться.*)

Наталья Васильевна: Алеша, я без Эренбурга не пойду. Пусть идет впереди.

Толстой: Илья, одевайся. Пойдешь впереди.

Эренбург:

О, Русь моя. По переулочкам шмыгают старухи богомольные,
Душегубы и нечисть смердящая. А я, Илья Эренбург, на Арбате.
В Церкви Бориса и Глеба церковный староста, такой умытый,
Как никогда не умывался во Франции.

Толстой: Знаешь, он в Париже рожу газетой вытирал.

Инбер (*Мавичу*): До завтра.

Мавич: В пять, у меня. Тверская, кафе Бом¹⁸. Спросить Матусевича.

Инбер: Я буду. Пустите руку. Какой страстный.

(Все уходят.)

Мария Алексеевна *(взволнованно)*: Какие милые, чудные люди. Как они любят литературу.

Сергей Георгиевич *(рассматривая окурок)*: Папироса Толстого. «Трезвон»¹⁹. Это очень важно для биографа, что курил писатель. *(Кладет в конверт)* Слава Богу, мой архив пополняется.

Мария Алексеевна: Сережа, как хорошо жить на свете, когда есть писатели.

Сергей Георгиевич: И Венгеров²⁰.

(Идут в задние комнаты обнявшись.)

Орлов *(в углу на диване; просыпаясь)*: А про меня забыли... Ничего... я тут посижу. А Андрей, наверно, мои папиросы захватил. *(Ложится)* Я полежу. И коньяка наверно не допили... Эх, молодо-зелено.

(Наступает тишина, и только слышно, как на улице Инбер нанимают извозчика на Остоженку.)

Занавес

1918 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Печатается по машинописному экземпляру, отложившемуся в архиве Кара-Мурзы: РГБ. Ф. 561. Карт. 23. Ед. хр. 11.

² Мария Алексеевна Головкина, в первом замужестве – Гончарова (1881–1952) – жена С. Г. Кара-Мурзы, переводчица (напр., ее перу принадлежит перевод романа Ж.-К. Гюисманса «Наоборот») (М., 1906; 2-е изд.: М., 1909)); краткий биобиблиографический очерк см.: Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова. СПб., 2001. Т. 1. А–Л. С. 313); воспоминания о ней: *Данин Д. ...* и Андрей Гончаров (Из «Книги без жанра») // Панорама искусств. [М., 1990]. [Вып.] 13. С. 360–362.

³ Георгий Сергеевич Кара-Мурза (1906–1945) – историк-китаист. См. о нем: *Тодер Ф. А., Юрьев М. Ф.* Штрихи к портрету профессора Г. С. Кара-Мурзы // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988. С. 81–100; Андрей Дмитриевич Гончаров (1903–1979) – приемный сын Кара-Мурзы, впоследствии – известный художник.

⁴ Наталья Васильевна Крандиевская (1888–1963, в 1-м браке Волькенштейн) – поэтесса, третья жена А. Н. Толстого.

⁵ Переводы Эрэнбурга из Вийона вышли отдельным изданием: *Вийон Ф.* Отрывки из «Большого завещания». Баллады и разные стихотворения. Пер. и биограф. очерк И. Эрэнбурга. М., 1916.

⁶ Последняя дефиниция имеет под собой некоторые основания; ср. тон инскрипта на томе переводов из Флобера: «На память о дружеской беседе вечером 15/28 марта 1918 г. втроем на Zubovskom бульваре дорогом поэту Ивану Алексеевичу Новикову подносят свой совместный труд с сердечным приветом и благодарностью Александра Чеботаревская, Вячеслав Иванов» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 669. Л. 5) и краткое обращение, сопроводившее, впрочем, важную для автора просьбу: «Вы умный, чуткий, достойный, Вы – художник [...]» (письмо Иванову от 17 июня 1923 (?) года // Там же. Л. 6). Пик их общения приходится именно на 1918 г., ср. в письме Новикова к Иванову от 4/17 мая 1918 г.: «Я сегодня видел И. Г. Эрэнбурга и сказал ему, что О. М. [Новикова] и я будем у Вас по Вашему приглашению: боюсь, не стали бы Вы нас ждать к чтению, а потому посылаю эту записочку. Я сижу над работой, которую надо закончить к завтрашнему утру, а потому вернуться из дому, к крайнему сожалению, никак не смогу» (РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 1. Л. 1).

⁷ Ольга Максимилиановна Новикова (урожд. Левинштейн, в 1-м браке Принц, 1882–1949) – жена И. А. Новикова.

⁸ Андрей (Юлий Михайлович, Израиль Моисеевич) Соболев (1888–1926) – писатель. См. о нем: *Хазан В.* Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как все вышло наоборот. СПб., 2015. К этой же исчерпывающей монографии адресуем и за подробностями его отношений с ближайшим приятелем, литературным и театральным критиком Юрием Васильевичем Соболевым (1887–1940).

⁹ Александр Иванович Журин (1878 – после 1930) – поэт, о нем см.: *Рамгауз М. Г.* Журин Александр Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г–К. С. 293. Его московский адрес 1910-х годов: 8-я Сокольническая, 10, но принадлежавшая его семье зеркальная мастерская действительно располагалась по адресу: Средняя Пресня, 32, собственный дом.

¹⁰ Поэт и журналист Ефим Янтарев (Ефим Львович Бернштейн, 1880–1942) – родился в городе Шуя, в бедной еврейской семье. См. о нем: *Мозгова Г. Г.* «Я – русский интеллигент»: Ефим Львович Бернштейн, литературный псевдоним Ефим Янтарев // Материалы конференции «Российская провинция: история, традиции, современность». Ковров, 2011. С. 116–121; *Эдельштейн М. Ю.* Шуйский «Гриф». (К биографии Ефима Янтарева) // Долг

и любовь. Сборник филологических работ. К 65-летию профессора М.В. Михайловой. М., 2011. С. 250–259.

¹¹ Почти наверняка речь идет о драматурге и журналисте Сергее Петровиче Спиро. Судя по пометке на карточке генерального каталога РНБ (*Спиро С. П.* В нашем городе. Новое кабаре. М., 1913), где годом его смерти показан 1942, библиографы идентифицировали писателя с его полным однофамильцем, погибшим в блокаду и имеющим даты жизни «1875–1942».

¹² Матусевич Иосиф Александрович (1879–1940), драматург, журналист, критик, художник. Шутка с перечислением его псевдонимов остается нам недоступной. Его перу принадлежит большинство портретов в альбомах кружка Кара-Мурзы (см.: *Адаксина Н.Л.* Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения. 2012. Материалы научной конференции. М., 2013. С. 151).

¹³ Загадочное для нас лицо.

¹⁴ Николай Никандрович Никандров (наст. фам. Шевцов) (1878–1964) – прозаик. См. о нем: *Михайлова М.В.* Никандров Николай Никандрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. М.–П. С. 294–296.

¹⁵ Лев Исаакович Монозон (1897–1967) – поэт, в эмиграции – популярный немецкий певец. Кара-Мурза пытался оказать ему протекцию (безуспешную) в издательстве «Центрифуга»: «Один мой знакомый, здоровенный молодой человек Л.И. Монозон, автор книги “Сердце пудренное”, желал бы издать свою небольшую книжку стихов в издательстве “Центрифуга”, причем все расходы и заботы по изданию он берет на себя и желает только, чтобы книжка вышла под Вашей маркой и была включена в Ваш каталог.

Если подобного рода сотрудничество не противоречит Вашим издательским предположениям, не будете ли Вы так добры заехать как-нибудь вечером (после 6-8) ко мне. Л.И. Монозон живет в нашем же доме и я бы вызвал его для личных переговоров с Вами. Был бы Вам очень благодарен» (письмо к С.П. Боброву от 9 ноября 1917 г. // *Соболев А.Л.* Лейтейская библиотека. М., 2013. Т. 2. С. 259).

¹⁶ Регулярная посетительница «вторников», писательница и журналистка Софья Заречная (наст. фам.: Софья Абрамовна Кочановская; 1887–1967).

¹⁷ Вторая и последняя строчки – из стихотворения Эренбурга «Молитва о России» («Эх, настало время разгуляться...»), третья явно восходит к стихотворению «Как Антип за хозяином бегал» («К ужину Антип малость выпил...»); см.: *Эренбург И.* Молитва о России. М., 1918. С. 5–7, 40–45.

¹⁸ Знаменитое артистическое кафе «Бом» (Тверская, 37, угол с Малым Гнездиновским), содержавшееся М.А. Станевским (клоуном Бомом). Наиболее полная подборка сведений о нем содержится в весьма труднодоступном издании: *Парнис А.Е.* Из разысканий о Хлебникове. *Гоголин М.Ю.* Альбомы кафе «БОМ». М., 2010 (в надзаг.: CXLVIII заседание Московского клуба библиофилов 19 мая 2010 г.).

¹⁹ Недорогие папиросы Петроградской фабрики «Лаферм».

²⁰ Историк литературы и библиограф Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920), служивший (не без основания) символом филологической дотошности.

Литература

Адашкина Н.Л. Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения. 2012. Материалы научной конференции. М.: ГТГ, 2013. С. 151–176.

Азадовский К. Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. СПб.: Пушкинский Дом; Нестор-История, 2015. 512 с.

Аладжалов С. И. Георгий Якулов. Ереван: Армянское театральное общество, 1971. 319 с.

Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973 / Сост. Э.С. Даниелян. Ред. К.Д. Муратова. Ереван, 1976. 501 с.

Богомолов Н.А. К истории символистского книгоиздания: автобиография С. А. Полякова // Тихие песни: Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского / Сост. А. Соболев, А. Устинов. М.: Трутень, 2014. С. 19–38.

Брюсов В.Я. Переписка с Ив. Коневским / Вступ. ст. А.В. Лаврова; Публ. и коммент. А.В. Лаврова, В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1. М., 1991. С. 424–531.

Брюсов В.Я. Переписка с Эмилем Верхарном (1906–1914) / Вступ. ст. и публ. Т.Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 546–621.

Дронов В.С. Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван: Айастан, 1963. С. 216–231

Кара-Мурза С. Г. Русское общество друзей книги. (Московские библиотефилы). Воспоминания / Сост. Я. Бердичевский. М.: Инскрипт, 2011. 200 с.

Котрелев Н.В. Ф.-Т. Маринетти и Россия: Новые материалы и наблюдения // Италия и славянский мир: Сб. тезисов. М.: Институт славяноведения АН СССР, 1990. С. 95–97.

Литературная жизнь России 1920-х годов События. Отзывы современников. Библиография. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 2. 704 с.

Марк Вениаминович Вишняк – корреспондент Бориса Константиновича Зайцева (к публикации писем 1955–1972 гг.) / Публ. Александра Клементьева // Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. I (VI). Иерусалим, 1998. С. 237–268.

Марков А. Магия старой книги. Записки библиотефила. М.: Аграф, 2004. 672 с.

Матышев А.А. Энциклопедия репрессированных авторов. 1917–1987. Био-библиография советской трагедии. Т. 1. А–Б. СПб., 2012. 640 с.

Михайлова М.В. Никандров Николай Никандрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4: М.–П. М., 1999. С. 294–296.

Мозгова Г.Г. «Я – русский интеллигент»: Ефим Львович Бернштейн, литературный псевдоним Ефим Янтарев // Материалы конференции «Российская провинция: история, традиции, современность». Ковров, 2011. С. 116–121.

Молодяков В.Э. Валерий Брюсов. Биография. СПб.: Вита нова, 2010. 672 с.

Парнис А.Е. К истории одной полемики: Ф.Т. Маринетти и русские футуристы // Футуризм – радикальная революция. Италия – Россия. К 100-летию художественного движения. М.: Красная площадь, 2008. С. 177–185.

Поливанов К.М. Бачинский Алексей Иосифович // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. Т. 1: А.–Г. М., 1989. С. 186.

Политика и поэтика: Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 880 с.

Пустильник Л.С. Жизнь и творчество А.Н. Плещеева. М.: Наука, 2008. 340 с.

Ратгауз М.Г. Журин Александр Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 293.

Розенталь Е.И. Московский литературно-художественный кружок. Исторический очерк. 1898–1918 гг. М.: Гос. Исторический музей, 2008. 164 с.

Соболев А.Л. Из воспоминаний С. Г. Кара-Мурзы. [1] // Литературный факт. 2017. № 4. С. 68–120.

Соболев А.Л. Из воспоминаний С. Г. Кара-Мурзы (продолжение) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 34–94.

Соболев А.Л. Летейская библиотека. Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: В 2 т. М.: Трутень, 2013.

Тименчик Р. Из мимолетностей францужско-русских литературных связей XX века. Письмо Поля Фора Владимиру Пясту // *Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire.* Lausanne: L'Âge d'homme, 1995. P. 145–149.

Устинов А.Б. Койранский Александр Арнольдович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3: К–М. М., 1994. С. 11–13

Хазан В. Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как все вышло наоборот. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова; Gallina Scripsit, 2015. 920 с.

Шкалов В.А. Ванда Ландовская и возрождение клавесина. СПб.: Канон, 1999. 335 с.

Шик Н.Б. Максимилиан Шик – посредник между русской и немецкой культурами // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М.: МГУ, 1987. С. 170–187.

Щербаков Р.Л. Емельянов-Коханский Александр Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 231–232.

Эдельштейн М.Ю. Шуйский «Гриф». (К биографии Ефима Янтарева) // Долг и любовь. Сборник филологических работ. К 65-летию профессора М.В. Михайловой. М.: Круг, 2011. С. 250–259.

Эжен Мельхиор де Вогюэ. Предисловие к книге «Русский роман» / Вступ. заметка П.Р. Заборова, пер. с франц. С. Ю. Васильевой под ред. П.Р. Заборова // К истории идей на Западе. «Русская идея». Сб. статей / Под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. СПб.: Пушкинский Дом; Петрополис, 2010. С. 499–503.

References

Adaskina N.L. Sodrzhestvo muz. Literaturno-khudozhestvennyi kruzhok Kara-Murzy. [Community of Muses. Kara-Murza's Literary-Artistic Circle]. *Tret'iakovskie chteniia.* 2012. *Materialy nauchnoi konferentsii* [Tretyakov Readings. 2012. Proc. Sci. Conf.]. Moscow, Tretyakov Gallery Publ., 2013, pp. 151–176. (In Russ.)

Aladzhhalov S.I. *Georgii Iakulov* [Georgy Yakulov]. Erevan, Armenian theatrical society Publ., 1971. 319 p. (In Russ.)

Bibliografiia V.Ia. *Briusova. 1884–1973* [V. Bryusov. Bibliography. 1884–1973], comp. by E.S. Danielian, ed. by K.D. Muratova. Erevan, 1976. 501 p. (In Russ.)

Azadovskii K. *Serebrianyi vek. Imena i sobytiia: Izbrannye raboty* [Silver Age. Names and events. Selected works]. St. Petersburg, Pushkin House Publ.; Nestor-Istoriia Publ., 2015. 512 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A. K istorii simvolistskogo knigozdaniiia: avtobiografiia S.A. Poliakov [On the history of Symbolist publishing: S.A. Poliakov's autobiography]. *Tikhie pesni: Istoriko-literaturnyi sbornik k 80-letiiu L.M. Turchinskogo* [Quiet songs: Historic-literary collection in honor of L.M. Turchinsky's 80th anniversary], comp. by A. Sobolev, A. Ustinov. Moscow, Truten' Publ., 2014, pp. 19–38. (In Russ.)

Briusov V.Ia. *Perepiska s Iv. Konevskim* [Correspondence with I. Konevskoy], introd. by A.V. Lavrov, ed. and comm. by A.V. Lavrov, V.Ia. Morderer, A.E. Parnis. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 98. Book 1. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 424–531. (In Russ.)

Briusov V.Ia. *Perepiska s Emilem Verkharnom (1906–1914)* [Correspondence with Emile Verhaeren (1906–1914)], introd., ed. by T.G. Dinesman. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 85. Moscow, Nauka Publ., 1976., pp. 546–621. (In Russ.)

Dronov V.S. *Valerii Briusov i Emil' Verkharn* [Valery Bryusov and Emile Verhaeren]. *Briusovskie chteniia 1962 goda* [Bryusov readings 1962]. Erevan, Aiastan Publ., 1963, pp. 216–231. (In Russ.)

Edel'shtein M.Iu. *Shuiskii "Grif" (K biografii Efima Iantareva)* [Shuiskii "Grif". On Efim Iantarev's Biography]. *Dolg i liubov'. Sbornik filologicheskikh rabot. K 65-letiiu professora M.V. Mikhailovoi* [Duty and love. A collection of philological studies. In honor of Prof. M.V. Mikhailova's 65th anniversary]. Moscow, Krug Publ., 2011, pp. 250–259. (In Russ.)

Eugène-Melchior de Vogüé. *Predislovie k knige "Russkii roman"* [Eugène-Melchior de Vogüé. A foreword to the book "Russian Novel"], introd. by P.R. Zaborov, transl. by S.Yu. Vasilyeva. *K istorii idei na Zapade. "Russkaia ideia". Sbornik statei* [On the history of ideas in the West. "Russian Idea". A collection of essays], ed. by V.E. Bagno and M.E. Malikova. St. Petersburg, Pushkin House Publ.; Petropolis Publ., 2010, pp. 499–503. (In Russ.)

Kara-Murza S.G. *Russkoe obshchestvo druzei knigi. (Moskovskie bibliofily). Vospominaniia* [Russian Society of Book Lovers (Moscow bibliophiles). Memoirs], comp. by Ya. Berdichevsky. Moscow, Inskript Publ., 2011. 200 p. (In Russ.)

Khazan V. *Zhizn' i tvorchestvo Andreia Sobolia, ili Povest' o tom, kak vse vyshlo naoborot* [Andrey Sobol's life and works, or the Tale of how everything happened the other way round]. St. Petersburg, Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova Publ.; Gallina Scripsit Publ., 2015. 920 p. (In Russ.)

Kotrelev N.V. *F.-T. Marinetti i Rossiia: Novye materialy i nabliudeniia* [F.T. Marinetti and Russia: New documents and notices]. *Italiia i slavianskii mir: Sbornik tezisov* [Italy and the Slavonic world: a collection of abstracts]. Moscow, Institute for Slavic Studies of AS USSR Publ., 1990, pp. 95–97. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. [Russian literary life in the 1920s: Events. Comments of the contemporaries. Bibliography. Moscow and Petrograd.

1921–1922], ed. by A.Iu. Galushkin. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005. Vol. 1. Ch. 2. 704 p. (In Russ.)

Mark Veniaminovich Vishniak – korrespondent Borisa Konstantinovicha Zaitseva (k publikatsii pisem 1955–1972 gg.) [Mark Veniaminovich Vishnyak as Boris Konstantinovich Zaitsev's correspondent (on the publication of letters for 1955–1972)], ed. by A. Klement'ev. *Russkoe evreistvo v zarubezh'e. Stat'i, publikatsii, memuary i esse* [Russian Jewry abroad. Essays, publications, memoirs]. Vol. I (VI). Jerusalem, 1998, pp. 237–268. (In Russ.)

Markov A. *Magiia staroi knigi. Zapiski bibliofila* [Old book's magic. Notes of a bibliophile]. Moscow, Agraf Publ., 2004. 672 p. (In Russ.)

Matyshev A.A. *Entsiklopediia repressirovannykh avtorov. 1917–1987. Biobibliografiia sovetskoi tragedii* [Encyclopedia of purged authors. 1917–1987. A bio-bibliography of the Soviet tragedy]. Vol. 1: A–B. St. Petersburg, 2012. 640 p. (In Russ.)

Mikhailova M.V. Nikandrov Nikolai Nikandrovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 4. Moscow, 1999, pp. 294–296. (In Russ.)

Molodiakov V.E. *Valerii Briusov. Biografiia* [Valery Bryusov Biography]. St. Petersburg, Vita nova Publ., 2010. 672 p. (In Russ.)

Mozgova G.G. “Ja – russkii intelligent”: Efim L'vovich Bernshtein, literaturnyi psevdonim Efim Iantarev [“I am a Russian intellectual”: Efim L'vovich Bernshtein, pen-name Efim Yantarev]. *Materialy konferentsii “Rossiiskaia provintsiia: istoriia, traditsii, sovremennost'”* [Russian province: history, traditions, present state. Proc. sci. conf.]. Kovrov, 2011, pp. 116–121. (In Russ.)

Parnis A.E. K istorii odnoi polemiki: F.T. Marinetti i russkie futuristy [Revisiting a dispute: F. T. Marinetti and Russian Futurists]. *Futurizm – radikal'naia revoliutsiia. Italiia – Rossiia. K 100-letiiu khudozhestvennogo dvizheniia* [Futurism as a radical revolution. Italy – Russia. On the centenary of the artistic movement]. Moscow, Krasnaia ploshchad' Publ., 2008, pp. 177–185. (In Russ.)

Politika i poetika: Russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny. Publikatsii, issledovaniia i materialy [Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of World War I. Publications, studies and documents], ed. by V.V. Polonskii. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014. 880 p. (In Russ.)

Polivanov K.M. Bachinskii Aleksei Iosifovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 1. Moscow, 1989, pp. 186. (In Russ.)

Pustil'nik L.S. *Zhizn' i tvorchestvo A.N. Pleshcheeva* [A.N. Pleshcheev's Life and Work]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 340 p. (In Russ.)

Ratgauz M.G. Zhurin Aleksandr Ivanovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 2. Moscow, 1992, pp. 293. (In Russ.)

Rozental' E.I. *Moskovskii literaturno-khudozhestvennyi kruzhok. Istoricheskii ocherk. 1898–1918 gg.* [Moscow Literary-Artistic Circle. A historical sketch. 1898–1918]. Moscow, State Historical Museum Publ., 2008. 164 p. (In Russ.)

Shcherbakov R.L. Emel'ianov-Kokhanskii Aleksandr Nikolaevich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 2. Moscow, 1992, pp. 231–232. (In Russ.)

Shekalov V.A. *Vanda Landovskaia i vozrozhdenie klavesina* [Wanda Landowska and the revival of harpsichord]. St. Petersburg, Kanon Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)

Shik N.B. Maksimilian Shik – posrednik mezhdu russkoi i nemetskoi kul'turami [Maximilian Schick as an intermediary between Russian and German cultures]. *Iz istorii russko-nemetskikh literaturnykh vzaimosvyezai* [On the history of Russian-German literary interconnections]. Moscow, MGU Publ., 1987, pp. 170–187. (In Russ.)

Sobolev A.L. Iz vospominanii S.G. Kara-Murzy [1] [From the memories by S. Kara-Murza (1)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 4, pp. 68–120. (In Russ.)

Sobolev A.L. Iz vospominanii S.G. Kara-Murzy [2] [From the memories by S. Kara-Murza (2)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 5, pp. 34–94. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka. Ocherki i materialy po istorii russkoi literatury XX veka* [Lethaeon library. Essays and materials on the history of 20th century Russian literature]. In 2 vols. Moscow, Truten' Publ., 2013. (In Russ.)

Timenchik R. Iz mimoletnostei frantsuzsko-russkikh literaturnykh svyazei XX veka. Pis'mo Polia Fora Vladimiru Piastu [From fugitive events of Russian-French literary connections of the 20th century. Paul Fort's letter to Vladimir Piast]. *Russies. Melanges offerts a Georges Nivat pour son soixantieme anniversaire*. Lausanne, L'Âge d'homme, 1995, pp. 145–149. (In Russ.)

Ustinov A.B. Koiranskii Aleksandr Arnol'dovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 3. Moscow, 1994, pp. 11–13 (In Russ.)

From the memoirs by S.G. Kara-Murza (conclusion)

Alexander L. Sobolev

Abstract: The final part of the memoirs by Sergei Georgievich Kara-Murza (1878–1956); the first two parts are published in *Literaturny Fakt* 4 and 5. The present chapters contain memories of Valery Yakovlevich Bryusov (1873–1924), Boris Arnoldovich (Aronovich) Koiransky (1882–1920), Scorpion publishing house, painters Modest Aleksandrovich Durnov (1868–1928) and Georgy Bogdanovich Yakulov (1884–1928). The Appendix contains a short humoristic play Kara-Murza's Tuesdays by V.G. Lidin that vividly depicts the author of the memoirs and the habitués of his literary salon.

Keywords: XX century Russian literature, early XX century Russian painting, Symbolism, Modernism, V.Ya. Bryusov, B.A. Koiransky, Scorpion publishing house, M.A. Durnov, G.B. Yakulov, V.G. Lidin.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com